

АРТУР КОНАН

ДОЙЛ

**МАРАКОТОВА
БЕЗДНА**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Артур Конан Дойл
Маракотова бездна

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Маракотова бездна / А. Дойл — «Издательство АСТ»,
2022 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146683-1

Профессор Маракот и его спутники совершают опасное погружение в одну из глубочайших впадин Атлантики на специально сконструированном аппарате. Чудесным образом оставшись в живых после аварии, они оказываются в затерянной Атлантиде и отправляются изучать ее тайны... Также в сборник вошли повести «Открытие Рафлза Хоу» и «Гениальное изобретение Брауна и Перикорда», объединенные темой уникальных научных открытий и нелегких судеб изобретателей.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-146683-1

© Дойл А., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Маракотова бездна	6
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	31
Глава IV	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артур Конан Дойл
Маракотова бездна
сборник

© Перевод. Н. Дехтерева, наследники, 2022

© Перевод. Т. Осина, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Маракотова бездна

Глава I

Эта рукопись попала ко мне для редактирования, а потому считаю необходимым напомнить почтенной публике о печальной судьбе парохода «Стратфорд», год назад отправившегося в дальнее путешествие с целью изучения океана и описания глубоководной жизни. Экспедицию организовал профессор Маракот – знаменитый автор научных работ «Псевдокоралловые формации» и «Морфология пластинчатожаберных моллюсков». Спутником доктора Маракота стал мистер Сайрус Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, штат Массачусетс, а во время путешествия – стипендиат фонда Родса в Оксфордском университете. Управлял «Стратфордом» опытный капитан Хоуи, а среди двадцати трех человек команды не лишним будет упомянуть Уильяма Сканлэна – американского механика, командированного заводом «Меррибэнкс» в Филадельфии.

Злополучный пароход бесследно исчез, а единственное упоминание о нем поступило с норвежского барка, чья команда осенью 1926 года стала свидетельницей того, как соответствующее описанию судно затонуло во время жестокого шторма. Впоследствии на месте трагедии была найдена дрейфующая шлюпка с надписью «Стратфорд» на борту, а на ней несколько деревянных крышек от люков, которые матросы нередко используют в качестве средства выживания в воде, а также спасательный круг и рангоут. В сочетании с длительным молчанием парохода свидетельство норвежских моряков рождало уверенность в безвозвратном исчезновении судна вместе со всей командой. Печальная судьба «Стратфорда» стала куда определеннее после получения странной радиограммы. Несмотря на плохое качество связи, сообщение не оставило сомнений в печальном конце научной экспедиции. В дальнейшем я процитирую текст радиограммы.

Некоторые довольно-таки необычные особенности путешествия «Стратфорда» в свое время вызвали многочисленные и противоречивые комментарии. Во-первых, всех равнодушных наблюдателей удивила созданная профессором Маракотом атмосфера чрезвычайной таинственности. Уважаемый ученый всегда отличался глубокой неприязнью и столь же глубоким недоверием к прессе, однако в данном случае он превзошел самого себя, категорически отказываясь давать интервью репортерам и не позволяя ни одному журналисту подняться на корабль во время продолжительной – длительностью в несколько недель – стоянки в ливерпульском Альберт-доке. Ходили смутные слухи о невиданной, абсолютно новой конструкции парохода, а также о его беспримерном техническом оснащении, позволявшем вести работу на весьма серьезных морских глубинах. Распространившиеся слухи неоднократно подтверждались достоверной информацией с верфи «Хантер и компания» в западном Хартлпуле, где производились работы по подготовке судна к рейсу. Одно время достойные доверия источники утверждали, что дно корабля наделено доселе невиданной способностью полностью отделяться от корпуса! Сообщение вызвало острый интерес сотрудников морской страховой компании «Ллойд», которым, хотя и не без труда, удалось-таки получить удовлетворительные сведения. Полог забвения, окутавший все эти факты и домыслы, был потревожен, когда судьба бесследно исчезнувшего судна вновь заинтересовала равнодушную общественность.

Но хватит, пожалуй, рассуждений об организации экспедиции парохода «Стратфорд» и связанных с нею настроениях в обществе. Итак, нам доступны четыре документа, всесторонне освещающие уже известные факты. Первый документ – это подробное письмо, отправленное мистером Сайрусом Хедли из столицы острова Гран-Канария, города Лас-Пальмас, в Тринити-колледж Оксфордского университета. Довольно-таки объемистое послание адре-

совано другу молодого биолога, сэру Джеймсу Толботу. Насколько нам известно, порт Лас-Пальмас стал единственной точкой на карте, куда пароход «Стратфорд» зашел после того, как покинул устье Темзы. Второй документ – упомянутая выше странная радиограмма. Третий документ – та запись в бортовом журнале судна «Арабелла Ноулз», которая касается найденного на поверхности Атлантического океана неизвестного науке стеклянного шара. Четвертый и последний документ – поразительное содержимое самого стеклянного шара: произведение эпистолярного жанра, либо представляющее собой сложнейшую и самую жестокую мистификацию в современной истории, либо открывающее неизведанную страницу человеческого опыта, значение которой столь огромно, что его невозможно переоценить. После этого небольшого вступления обратимся к прежде не публиковавшемуся письму мистера Сайруса Хедли, любезно предоставленному мне самим адресатом – сэром Джеймсом Толботом – и датированному первым октября 1926 года:

«Дорогой Толбот, отправляю свое послание из порта Лас-Пальмас, куда мы зашли, чтобы несколько дней отдохнуть. Все это время моим основным товарищем в путешествии остается старший механик парохода “Стратфорд” Билл Сканлэн – как и я сам, американец, но в отличие от меня крайне занятный человек. Однако сегодняшнее утро я провожу в одиночестве, так как Билл отправился “на свиданье с юбкой” (именно так он выразился). Как видите, Сканлэн пользуется именно теми словечками, которые каждый истинный англичанин ожидает услышать от каждого истинного американца, и, следовательно, является образцовым представителем нашей с ним общей родины. В присутствии английских друзей сила воображения заставляет меня самого чаще, чем необходимо, использовать такие характерные для американского менталитета элементы усиления смысла, как “без сомнения” и “наверняка”. Считаю, что без них никто бы не поверил, что я – настоящий янки. Однако у нас с вами сложились совершенно другие, куда более глубокие и искренние отношения, а потому позвольте заверить, что вы не найдете в моем послании ничего, кроме чистейшего оксфордского варианта классического английского языка.

Вы встречались с профессором Маракотом в Митре, так что отлично знаете, какой он сухарь. Кажется, я уже рассказывал, как знаменитый ученый настойчиво апеллировал ко мне, убеждая отправиться в путешествие вместе с ним. Маракот обратился к старику Соммервиллю из Зоологического института в Кембридже, и тот прислал ему мою работу о морских крабах – ту самую, которая победила в конкурсе. После этого профессор решительно остановился на моей кандидатуре. Конечно, принять участие в такой знаменательной экспедиции весьма почетно, однако вместо воплощенной профессором Маракотом ожившей мумии в качестве начальника хотелось бы видеть какого-нибудь другого, более *живого* человека. К сожалению, чрезмерная замкнутость и фанатичная преданность своему делу начисто лишают почтенного ученого способности к нормальному общению. “Наичерствейший из всех в мире сухарей” – так отзывается о нем механик Билл Сканлэн, и все-таки эта безусловная верность призванию не только ставит в тупик и раздражает, но и в немалой степени восхищает меня! Помимо науки для профессора ничего не существует. Помню, как вы смеялись, когда я рассказал, как на мой вопрос, что следует почитать для подготовки к предстоящему путешествию, с целью серьезного ознакомления он порекомендовал собрание собственных научных сочинений, а в качестве отдыха посоветовал просмотреть труд Геккеля под занимательным названием “Изучение планктона”.

Сейчас я знаю господина Маракота ничуть не лучше, чем тогда, когда мы сидели в маленькой гостиной с окнами, выходящими на оксфордскую Хай-стрит. Профессор не тратит времени на досужие разговоры, а худое лицо фанатика – лицо Савонаролы или, скорее, Торквемады – никогда не смягчается улыбкой. Длинный, тонкий, агрессивный нос, близко поставленные маленькие, пронизательные серые глаза под густыми, похожими на солому бровями, плотно сжатый рот с тонкими губами, ввалившиеся от постоянных мыслей и аскетичной

жизни щеки – такая внешность свидетельствует о жестком, замкнутом, необщительном характере. Можно сказать, что обиталище Маракота – некая недоступная для простых смертных интеллектуальная горная вершина. Должен признаться, что иногда истово преданный науке исследователь кажется мне слегка сумасшедшим. В качестве примера вспомню изобретенный и сконструированный им необыкновенный аппарат для изучения подводного мира... но лучше расскажу все по порядку, и тогда у вас появится возможность сделать собственные выводы.

Обратимся к началу нашего путешествия. Пароход “Стратфорд” – оборудованное специально для исследовательской экспедиции прекрасное, хотя и небольшое морское судно водоизмещением в тысячу двести тонн, с чистыми палубами и отличным широким бимсом, оснащенное всевозможными приспособлениями для измерения глубины, тралового лова, а также для выемки донного грунта. Среди прочих полезных новшеств на борту присутствует чрезвычайно эффективная, закрепленная на корме сеть. Разумеется, палуба оборудована мощными паровыми лебедками для подъема трала и другими техническими приборами различного назначения, часть которых мне уже знакома. Впрочем, некоторые устройства пока кажутся весьма странными и непонятными. Под палубами расположены удобные каюты и отлично оснащенные лаборатории для специальных исследований.

Еще до отправления из лондонского порта пароход “Стратфорд” удостоился репутации весьма таинственного судна, и скоро я обнаружил, что подобную характеристику нельзя назвать абсолютно незаслуженной. Впрочем, первые наши действия выглядели вполне заурядными. Мы направились в Северное море и спустили трал, чтобы собрать со дна характерную флору и фауну. Но поскольку средняя глубина этих вод едва превышает шестьдесят футов, а судно предназначено для работы на больших глубинах, наши хлопоты оказались напрасной тратой времени. Во всяком случае, мы не подняли ничего заслуживающего пристального научного внимания, а получили только самые банальные образцы: обычную съедобную рыбу, морскую собаку (то есть акулу), кальмаров, медуз и не стоящие упоминания примеры кое-каких терригенных донных отложений в виде обычной наносной глины. Затем мы обогнули Шотландию, увидели Фарерские острова и прошли вдоль порога Томсона Уайвилла, где нам повезло больше. Затем направились к району исследования, расположенному между африканским берегом и Канарскими островами. Однажды в безлунную ночь едва не сели на мель возле острова Фуэртевентура, но в целом нам удалось преодолеть маршрут без серьезных проблем.

На протяжении нескольких первых недель я упорно старался наладить дружеские отношения с профессором Маракотом, однако задача оказалась не из легких. Во-первых, это самый сосредоточенный на собственных мыслях и в то же время по-житейски рассеянный человек в мире. Должно быть, вы помните, как улыбнулись, увидев, что профессор дал пенни мальчику-лифтеру, решив, будто едет в трамвае. Нередко он настолько углубляется в решение одному ему известных задач, что почти не замечает, где находится и что делает. Во-вторых, Маракот отличается крайней скрытностью. Всякий раз, войдя к нему в каюту, я застаю профессора за изучением документов и карт, которые, заметив меня, он тотчас же закрывает. Не сомневаюсь, что начальник разрабатывает какой-то тайный план, однако не хочет предавать его огласке, прежде чем корабль станет на якорь в каком-то одному ему ведомом порту. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление, и Билл Скэнлэн придерживается того же мнения.

– Послушай, Хедли, – обратился ко мне механик однажды вечером, войдя в лабораторию, где я прилежно измерял процентное содержание соли в поднятых из морской пучины образцах. – Как по-твоему, что у нашего мудрого профессора на уме? И что он намерен предпринять?

– Полагаю, – ответил я, – что нам предстоит сделать то же самое, что уже сделал до нас “Челленджер” и продолжила добрая дюжина других научных судов. А именно пополнить пере-

чень океанских рыб несколькими пока неизвестными видами и внести новые данные в батиметрическую карту Атлантического океана.

– Ни за что и никогда! – уверенно возразил Сканлэн. – Если ты так считаешь, то покумекай-ка еще немного. Прежде всего, возникает законный вопрос: зачем здесь я?

– Ты необходим на судне на тот случай, если сломается что-нибудь из механического оснащения, – наугад ответил я.

– Ничего подобного! Всея механикой корабля ведаёт инженер из Шотландии по фамилии Макларен. Нет, приятель, дело вовсе не в том вспомогательном двигателе, который расхваливают ребята из компании “Меррибэнкс”. Поверь: если механику платят полсотни долларов в неделю, то это неспроста. Пойдем, кое-что покажу: возможно, ты поймешь, в чем здесь суть.

Билл достал из кармана ключ и отпер дверь в дальней стене лаборатории. Соединяющая палубы лестница привела нас в трюм – совершенно пустое пространство, если не считать четырех огромных упаковочных ящиков с блестящими сквозь солому непонятными массивными объектами. Объекты эти представляли собой плоские стальные листы со сложными болтами и причудливыми заклепками по краям. Площадь каждого из листов составляла примерно десять квадратных футов, а толщина достигала полутора дюймов. В середине каждого листа виделось круглое отверстие диаметром в восемнадцать дюймов.

– Что, черт возьми, это такое? – изумленно спросил я.

При виде моего недоумения забавное лицо Билла Сканлэна (представьте себе нечто среднее между комиком из водевиля и борцом-чемпионом) расплылось в довольной улыбке.

– Вот оно, мое предназначение, – ответил механик. – Да, дорогой Хедли, я здесь нахожусь исключительно ради этих непонятных штук. Вот в этом большом ящике хранится стальное основание какого-то необыкновенного аппарата. Есть также изогнутая верхняя часть и большое кольцо для цепи или каната. А теперь посмотри внимательно на дно нашего судна.

Я взглянул туда, куда показал Билл, и увидел квадратную деревянную платформу с винтами в каждом углу, наглядно свидетельствующими, что это некая крышка, которая при необходимости снимается без особого труда.

– Здесь явно устроено двойное дно, – пояснил Билл Сканлэн. – Возможно, наш профессор – всего лишь помешанный на своих идеях изобретатель, каковых на белом свете пруд пруди. Но более вероятно, что он задумал нечто такое, о чем мы даже не догадываемся! Если мой котелок варит как надо, то Маракот намерен построить что-то вроде комнаты (окна прилегают), чтобы затем опустить ее через этот открывающийся люк в корабельном дне. Наличие электрических фонарей доказывает, что профессор собирается светить сквозь иллюминаторы и изучать подводные дебри!

– Если его единственная цель заключается в этом, то не проще ли было оснастить судно прозрачным дном, как на лодках с острова Каталина? – возразил я.

– Дело говоришь, – задумчиво почесав затылок, согласился Билл Сканлэн. – Никак не могу взять в толк... Но знаю наверняка: начальник экспедиции нанял меня, чтобы приказы исполнять и всеми силами помогать ему в сборке этой чертовой штуковины. Правда, пока что он не сказал о ней ни слова. Я тоже молчком, но потихоньку да помаленьку поглядываю по сторонам; так что если придется ждать достаточно долго, узнаю все, что надо.

Вот так я впервые прикоснулся к нашей тайне. Вскоре после этого разговора разыгрался нешуточный шторм, а выбравшись из него, мы занялись глубоководными исследованиями к северу от мыса Джуби, неподалеку от континентального склона: опустили трал, сняли показания температуры и измерили содержание соли. Работа с оттертралом Петерсона шириной в двадцать футов азартна и увлекательна: сеть захватывает все, что попадает по пути. Если опустить трал на глубину в четверть мили, то получишь определенный улов, а если глубина составит полмили, то и результат окажется другим: каждый океанский уровень густо населен собственными характерными жителями, как и континенты на суше. Иногда со дна появляется

полтонны прозрачного розового желе – то ли первородного материала, послужившего источником всей морской жизни, то ли выделений птероподов, под микроскопом распадающихся на миллионы крошечных сетчатых шариков, разделенных похожим на грязь аморфным веществом. Не стану, дорогой Толбот, утомлять вас описанием всех этих бротул, десятиногих ракообразных, асцидий, голотурий, эктопроток и иглокожих. Как бы то ни было, вы уже поняли, что море дарит щедрый урожай, а мы достаточно прилежно его собираем и классифицируем. Однако меня ни на миг не покидает ощущение, что сердце Маракота не лежит к этой работе, а странная, узкая, похожая на череп египетской мумии голова его наполнена иными планами. Все наши нынешние действия выглядят испытанием людей и снаряжения перед грядущим настоящим делом.

В этом месте я оторвался от письма и отправился на берег, чтобы в последний раз прогуляться по твердой земле – земле, которая не раскачивается под ногами: завтра рано утром мы продолжим путешествие. Мое появление на суше оказалось весьма кстати, так как на пирсе разыгралась бурная перебранка, а профессор Маракот и Билл Сканлэн стали невольной причиной скандала. Дело в том, что Билл – изрядный задира и любит хвастаться точными ударами как правой своей руки, так и левой, однако когда вокруг собирается с полдюжины вооруженных ножами местных жителей, даже его боксерское искусство не способно помочь в разрешении спора. Так что в данном случае мне пришлось немедленно вмешаться. Оказалось, что профессор нанял одну из тех колымаг, которые в этих местах называют кэбами, и отправился изучать остров, но совсем забыл, что не взял с собой деньги. Когда же пришло время платить, ему не удалось объяснить, в чем дело, и возница бесцеремонно забрал у неплатежеспособного седока часы. Столь несправедливый поступок вызвал гнев Билла Сканлэна, и через пару минут оба чужака наверняка оказались бы на земле со спинами в виде подушек для игл, но тут появился я и моментально уладил разногласие парой долларов сверх положенной вознице суммы и утешительным призом в пять долларов парню с синяком под глазом. Таким образом, противостояние закончилось благополучно, и профессор Маракот даже повел себя более человечно, чем когда-либо прежде. Вернувшись на корабль, он пригласил меня в свою маленькую каюту и сердечно поблагодарил за помощь.

– Кстати, мистер Хедли, – окликнул меня ученый, когда я повернулся, чтобы уйти. – Кажется, вы пока не женаты?

– Нет, – ответил я. – Не женат.

– И ни о ком не должны заботиться?

– Нет.

– Хорошо! – одобрил профессор. – До сих пор я не обсуждал с вами цель нашего путешествия, поскольку по ряду личных соображений хотел сохранить информацию в секрете. Одна из причин такого молчания – страх, что кто-нибудь воспользуется моей идеей и опередит меня с ее воплощением. Когда научные планы приобретают известность, с их автором могут обойтись примерно так же, как в свое время Амундсен обошелся со Скоттом. Если бы Скотт держал свой замысел в тайне, то Южный полюс открыл бы он, а не Амундсен. Что касается меня, я считаю свое предназначение не менее важным, чем открытие Южного полюса, а потому предпочитаю молчать. Но сейчас мы уже стоим на пороге собственного великого достижения, и никакой соперник не сможет украсть мои планы. Завтра же мы отправимся к настоящей цели предпринятого путешествия!

– И в чем же заключается настоящая цель? – с плохо скрытым волнением уточнил я.

Профессор Маракот порывисто подался вперед, а аскетичное лицо его осветилось неискаемым энтузиазмом фанатика.

– Наша цель, – произнес он торжественно, – изучение дна Атлантического океана.

Здесь я должен прервать повествование: полагаю, что известие поразило вас, Толбот, ничуть не меньше, чем меня. Если бы я был писателем, то, скорее всего, остановился бы на

этом кульминационном моменте. Но поскольку моя задача состоит в честном, непредвзятом изложении событий, то скажу, что после этого знаменательного сообщения я провел в каюте профессора Маракота еще целый час и узнал массу интереснейших деталей, которые должен поведать, пока остается время до отхода на берег последней на сегодняшний день шлюпки.

– Итак, мой юный друг, – понимающе кивнул ученый. – Теперь вы можете свободно обо всем писать, ибо к тому времени, как ваше послание достигнет берегов Англии, мы уже совершим эпохальное погружение.

Сделав это туманное, малопонятное замечание, профессор Маракот коротко рассмеялся: у него весьма своеобразное чувство юмора.

– Да, сэр, – продолжил ученый. – В данном случае выражение “эпохальное погружение” подходит наилучшим образом: это будет грандиозное событие, которое непременно войдет в анналы мировой науки. Позвольте со всей ответственностью выразить твердое убеждение в том, что современная доктрина относительно экстремального давления в глубине океана абсолютно ошибочна. Ясно, что существуют иные факторы, нейтрализующие отрицательное воздействие толщи воды, хотя я пока что не готов сказать, в чем именно эти факторы заключаются. Такова одна из проблем, которые нам предстоит решить. Позвольте спросить, какого давления можно ожидать на глубине в милю? – Маракот пристально посмотрел на меня сквозь большие очки в толстой роговой оправе.

– Не меньше тонны на квадратный дюйм, – ответил я. – Это значение убедительно доказано.

– Главной задачей первопроходца было и остается опровержение бытующих в науке “убедительных” доказательств. Включите мозги, молодой человек. Весь последний месяц вы регулярно добываете самых хрупких и деликатных представителей океанской фауны. Эти существа настолько чувствительны и уязвимы, что с трудом удается без повреждения переместить их из сети в аквариум. Но хотя бы раз вы обнаружили отрицательные последствия воздействия на них экстремального давления?

– Давление компенсировалось, став одинаковым внутри и снаружи, – бойко ответил я.

– Слова! Пустые разглагольствования! – воскликнул профессор Маракот, нетерпеливо покачав головой. – Вы же поднимали из глубины шарообразных рыб. Например, вид, поллатыни называемый *Gastrostomus globulus*. Разве этих милых обитателей нижних океанских сфер не расплющило бы под воздействием того давления, о котором вы говорите? Или взгляните на кольца в раструбе нашего трала. Разве на глубине они превратились в плоские лепешки?

– Но как же в таком случае объяснить болезненный опыт водолазов?

– Несомненно, это серьезный аргумент. Ныряльщики действительно ощущают значительное воздействие на самый чувствительный орган человеческого тела: внутреннюю поверхность уха. Но согласно моему плану мы вообще не испытаем дополнительного давления, так как будем погружаться в стальном ящике с дающими полный обзор окнами из особо прочного стекла. Если давление не окажется столь высоким, чтобы повредить листы толщиной в полтора дюйма, сделанные из закаленной и покрытой двойным слоем никеля стали, то оно не представит опасности и для нас – людей, находящихся внутри спускаемого аппарата. Таким образом, мы продолжим проведенный в университете Нассау эксперимент братьев Вильямсон, о котором вы, несомненно, знаете. Ну а если вдруг мои расчеты окажутся ошибочными... пару минут назад вы сказали, что не обязаны ни о ком заботиться. Мы возложим свои жизни на алтарь великой научной истины. Но если предпочтете остаться в стороне, я спущусь в пучину в одиночестве.

Признаюсь: замысел профессора показался мне абсолютно безумным, и все же спасовать перед таким вызовом было невозможно. Некоторое время я провел молча, в сосредоточенной задумчивости.

– На какую глубину вы намерены погрузиться, сэр? – уточнил я наконец.

На столе перед Маракотом лежала карта. Он поставил иглу циркуля в точку, лежащую на юго-западе от Канарских островов, и пояснил:

– В прошлом году я измерил батиметрические параметры в данном районе и обнаружил чрезвычайно глубокую впадину. Лот опустился на двадцать пять тысяч футов! Я первым сообщил об открытии. Полагаю, что в недалеком будущем эта океаническая низменность появится на картах под названием “Впадина Маракота” или каким-то подобным.

– Ради бога, сэр! – в тревоге воскликнул я. – Вы же не собираетесь спуститься в эту бездну?

– Нет-нет, – с улыбкой ответил профессор. – Не волнуйтесь. Ни трос, ни воздухопроводы нашего аппарата не позволят достичь глубины больше полумили. Я лишь попытался наглядно объяснить вам, что вокруг этой пропасти, несомненно, появившейся давным-давно в результате извержения вулкана, на глубине не больше трехсот морских саженей существует гребень в виде узкого кольцеобразного плато.

– Триста морских саженей! То есть треть мили!

– Именно так. Примерно треть мили. Предполагаю, что мы опустимся в своем маленьком, но устойчивом к давлению наблюдательном аппарате на этот подводный берег и займемся всеми доступными научными наблюдениями. Переговорная трубка свяжет нас с кораблем и позволит оперативно отдавать распоряжения. Трудностей не возникнет. Как только сочтем необходимым подняться, немедленно сообщим на борт, и коллеги поднимут нас.

– А воздух?

– Его будут подавать в аппарат по воздухопроводам.

– Но ведь под водой совершенно темно!

– Боюсь, что вы правы: это действительно так. Эксперименты Фоля и Сарасена на Женевском озере доказали, что на глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но так ли это важно? Мы будем обеспечены мощным электрическим освещением от корабельных двигателей, дополненным шестью сухими двухвольтными батареями, соединенными таким образом, чтобы вырабатывать ток с напряжением в двенадцать вольт. В сочетании с военной сигнальной лампой Лукаса в качестве подвижного отражателя система в полной мере удовлетворит наши потребности. У вас остались еще какие-то сомнения?

– А что, если воздухопроводы запутаются?

– Не запутаются. К тому же в качестве резерва в нашем распоряжении будет находиться сжатый воздух в баллонах, которого хватит почти на сутки. Итак, я внятно ответил на все вопросы? Согласны разделить со мной эксперимент?

Решение далось нелегко. Мозг работает быстро, а воображение действует невероятно живо. Я представил первобытную бездну и затерянный в ней тесный металлический ящик, ощутил затхлый, дважды использованный воздух, явственно увидел, как провисают, прогибаются под огромным давлением, расходятся по швам стены хлипкого убежища, как сочится из каждого сочленения, проникает в каждую щель соленая вода, заливая пол и поднимаясь все выше. Ужасная, кошмарная медленная смерть! Но на меня неотрывно смотрели горящие вдохновением глаза профессора Маракота – преданного рыцаря и святого мученика науки. Подобный энтузиазм чрезвычайно заразен, а если и свидетельствует о сумасшествии, то, по крайней мере, благороден и лишен корысти. Поймав искру божественного пламени, я вскочил и протянул руку.

– Профессор, я готов идти с вами до конца!

– Так я и знал, мой юный друг, – отозвался Маракот. – И выбрал вас вовсе не за те крупицы знаний, которыми вы обладаете, и даже не за близкое знакомство с крабами и прочими морскими созданиями. Вы наделены другими, более полезными в данном случае качествами, а именно любознательностью, верностью и мужеством.

С этой скупой похвалой, в один миг лишившись будущего и жизненных планов, я покинул каюту профессора Маракота. Увы, последняя шлюпка отправляется на берег через пять минут. Просят срочно сдавать почту. Теперь одно из двух, дорогой Толбот: либо больше вы никогда не получите от меня ни строчки, либо через некоторое время придет письмо, поистине достойное вашего заинтересованного внимания. В первом случае сможете заказать плавающий могильный камень и бросить его в море где-нибудь южнее Канарских островов. Весьма уместной будет такая надпись: “Здесь или где-то неподалеку покоится то, что рыбы оставили от моего друга Сайруса Дж. Хедли”».

Второй документ представляет собой неразборчивую радиограмму, полученную сразу несколькими судами, в том числе и пароходом королевской почты «Арроя», третьего октября 1926 года в три часа пополудни. Следовательно, радиограмма была отправлена всего лишь через два дня после отправления «Стратфорда» с острова Гран-Канария, что явствует из письма мистера Хедли и приблизительно соответствует времени, когда в двухстах милях к юго-западу от порта Лас-Пальмас норвежский барк заметил затонувший во время жестокого шторма пароход. Удалось разобрать следующий текст:

«Лежим на боку. Положение безнадежное. Уже потеряли Маракота, Хедли, Сканлэна. Местоположение неясно. Носовой платок Хедли найден на конце глубоководного лота. Да поможет нам Бог! Пароход “Стратфорд”».

Эта неразборчивая весточка стала последним сообщением злополучного судна, причем часть его показалась настолько странной, словно радист передавал текст, находясь в бреду. Однако сомнений в печальной судьбе парохода и его команды не осталось.

Объяснение загадки – если можно считать это объяснением – следует искать в записях, сохранившихся внутри странного стеклянного шара, но прежде всего необходимо представить читателям появившийся в прессе лаконичный отчет об обнаружении шара. Привожу дословно запись из бортового журнала судна «Арабелла Ноулз», перевозившего уголь из Кардиффа в Буэнос-Айрес. Командовал экипажем опытный капитан Эймос Грин:

«Среда, 5 января 1927 года. 27,14 градусов широты; 28,00 градусов западной долготы. Погода теплая. Небо голубое, с низкими грядами перистых облаков. Море застыло в неподвижности, словно зеркало. Во вторую склянку средней вахты старший дежурный офицер сообщил, что заметил, как из воды будто бы выпрыгнул блестящий круглый объект и тут же упал обратно в океан. Сначала наблюдатель принял его за неведомую рыбу, но, посмотрев в бинокль, увидел серебристый шар – настолько легкий, что он не плыл, а скорее лежал на поверхности воды. Первый помощник тотчас позвал меня, и я увидел необычное явление собственными глазами: объект размером с футбольный мяч ярко светился в луче прожектора правого борта, хотя расстояние до него составляло не меньше полумили. Я остановил двигатели и спустил шлюпку под командованием второго помощника капитана. Он подобрал находку и доставил на судно.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что сфера изготовлена из прочнейшего стекла и наполнена субстанцией настолько легкой, что, подброшенная вверх, парила подобно детскому воздушному шару. Сквозь прозрачные стенки мы увидели внутри нечто похожее на бумажный свиток. Однако материал оказался настолько крепким, что достать содержимое нам удалось только в результате длительных и чрезвычайно напряженных усилий. Молоток отскакивал, не оставляя никаких следов на хрупкой с виду поверхности, поэтому вскрыть шар мы смогли только после того, как главный механик поместил его под поршень двигателя. Мощная сила пара раздавила оболочку и открыла доступ к хранившимся внутри сферы документам. Однако с сожалением констатирую, что в результате воздействия стекло рассыпалось в блестящую пыль, так что не сохранилось ни единого пригодного для анализа фрагмента. Достав бумажный свиток, мы внимательно его осмотрели, а затем, решив, что документ обладает огромной ценностью и важностью, аккуратно убрали с намерением по прибытии в Буэнос-Айрес немедленно передать его британскому консулу. Видит бог, я хожу по морям уже трид-

цать пять лет, однако ни разу не встречал ничего столь же странного. Того же мнения придерживается каждый человек на судне. Так что исследовать таинственное явление придется высококолым умникам из университетов».

Таково происхождение второго послания Сайруса Дж. Хедли, которое мы приводим здесь полностью, без каких-либо купюр и изменений:

«Хотелось бы мне знать, в чьи руки попадет это послание. Наверное, можно сказать, что я обращаюсь ко всему миру, но поскольку этот адрес слишком расплывчат, выберу в качестве собеседника своего друга сэра Джеймса Толбота из Оксфордского университета, ведь в последний раз я обращался именно к нему, и это послание может считаться продолжением предыдущего. Полагаю, существует сто шансов к одному, что даже если отправленный нами прозрачный шар увидит свет дня, а не будет проглочен проплывающей мимо акулой, то все равно останется болтаться на волнах, не замеченный моряками проходящих судов. И все-таки стоит попробовать связаться с миром. Профессор Маракот собирается в ближайшее время отправить еще одну такую же капсулу. Из его намеренья следует вполне реальная возможность привлечь внимание к нашей судьбе. Хочется верить, что рано или поздно нам все-таки удастся поведать людям свою удивительную историю. Поверят ли они, это другой вопрос. Полагаю, однако, что, увидев качающийся на волнах прозрачный шар и заметив, что он наполнен неизвестным легчайшим газом, жители земли убедятся в существовании чего-то необычного. Во всяком случае, не сомневаюсь, что вы, дорогой Толбот, ни за что не оставите мое письмо без должного внимания.

Если кто-нибудь пожелает узнать, как началось наше необыкновенное приключение и что именно мы пытались совершить, то сможет найти необходимые сведения в послании, отправленном вам первого октября прошлого года, накануне выхода парохода “Стратфорд” из порта Лас-Пальмас. Бог свидетель, если бы тогда я знал, что за судьба нас ждет, то должен был бы всеми правдами и неправдами пробраться в отходившую на берег лодку, которой доверил свое письмо! И все же... не исключено, что даже в полной мере понимая грядущую опасность, я остался бы с профессором Маракотом и честно принял отмеренные судьбой суровые испытания. Больше того, не сомневаюсь, что я поступил бы именно так.

Описание событий начну со дня выхода из порта острова Гран-Канария.

Едва оказавшись в открытом океане, и без того пышущий неумемной энергией профессор Маракот словно воспламенился. Наконец-то настало время действовать, и все долго подавляемое нетерпение вырвалось на свободу. Можно сказать, что профессор властно захватил и подчинил своей воле и сам пароход, и всю команду. Неразговорчивый, отрешенный от всего и от всех, рассеянный ученый внезапно исчез, а вместо него появился полный неукротимой энергии, едва сдерживающий внутреннюю силу вулкан в человеческом обличье. Глаза горели за стеклами очков подобно заключенному в фонаре огненному фитилю. Казалось, Маракот одновременно находился повсюду, в каждой точке корабля: измерял по карте расстояние, обсуждал с капитаном показания приборов, отдавал приказы механику Биллу Сканлэну, поручал мне множество странных дел, каждое из которых, впрочем, имело определенную цель. Он неожиданно проявил обстоятельные познания в электричестве и механике, а значительную часть времени проводил возле аппарата, который под его руководством скрупулезно собирал незаменимый помощник Билл Сканлэн.

– Послушай-ка, приятель Хедли, – обратился ко мне Билл утром второго дня. – Из этих кусков металла постепенно получается прекрасная штука. Наш профессор оказался отличным парнем и к тому же потрясающе искусным техником.

При первом взгляде на “прекрасную штуку” возникло впечатление, будто мне демонстрируют мой собственный гроб, однако пришлось признать, что мавзолей выглядит вполне прилично. Пол и четыре стены были плотно пригнаны друг к другу, а четыре бортовых иллюминатора обещали обеспечить отличный круговой обзор. Небольшой герметичный люк в крыше

гарантировал легкий доступ; точно такой же люк имелся в полу. Стальной ящик был снабжен тонким, но очень крепким тросом, намотанным на барабан и работающим на выход и вход за счет мощного судового мотора, созданного для подачи и возврата на борт глубоководных тралов. Насколько могу судить, длина троса составляла примерно полмили, поэтому значительная его часть пока хранилась на палубе обмотанной вокруг тумбы. Резиновые трубки для снабжения аппарата воздухом имели ту же длину, что и прикрепленный к ним телефонный кабель, а также соединенный с судовыми батареями электрический провод, хотя аппарат также обладал независимым электроснабжением за счет батарей.

Вечером того же дня двигатели “Стратфорда” были остановлены. Барометр показывал резкое падение давления, а внезапно появившаяся на горизонте черная туча предвещала нередко возникающие в океане серьезные неприятности. Единственным судном неподалеку от нас оказался барк под норвежским флагом, и мы заметили, что матросы убирают стенки, словно готовясь к шторму. Пока, однако, стояла тихая, благоприятная погода. Пароход “Стратфорд” мягко дрейфовал по голубому океану, лишь кое-где под влиянием пассата покрытому завитками белой пены.

Сканлэн явился ко мне в лабораторию с таким важным, многозначительным видом, которого его легкий характер еще ни разу не допускал.

– Послушай, Хедли, – серьезно начал он. – Сооружение опустили в трюм, где находится люк с двойным дном. Уж не намерен ли профессор использовать только что построенный аппарат для погружения на глубину?

– Именно так, Билл. Больше того, я собираюсь составить ему компанию: иными словами, погрузиться на дно вместе с ним.

– В таком случае вы оба сумасшедшие, иначе ни за что бы не додумались до подобной авантюры. Но лично я был бы распоследним простофилей, если бы позволил двум безумцам отправиться в опасный путь без меня.

– Это не твое дело, Билл!

– Позволь возразить. Именно мое! Да я ведь пожелтею с головы до пяток почище, чем больной желтухой китаец, если отпущу вас одних. Компания “Меррибэнкс” отправила меня следить за оборудованием, а если оборудование оказывается на дне океана, то мое место рядом, на том же самом дне. Билл Сканлэн должен находиться там, где находится железный ящик, независимо от того, кто рядом с ним: благоразумные господа или свихнувшиеся ученые-умники.

Спорить с Биллом не имело смысла. Таким образом, в наш клуб самоубийц вступил еще один достойный участник, и теперь оставалось только ждать команды к погружению.

Всю ночь Маракот и Сканлэн старательно трудились над оборудованием, а после раннего завтрака, готовые к приключению, мы втроем спустились в трюм, где капитан Хоуи с мрачным выражением лица простился с каждым из нас торжественным рукопожатием. Стальной ящик наполовину скрылся в двойном дне, и один за другим мы проникли в него через верхний люк, который за нами закрыли и герметично завинтили. Затем аппарат опустили еще на несколько футов, верхнее дно корабля задраили и в образовавшееся пространство пустили воду, чтобы проверить, насколько надежны швы. Стальной ящик отлично выдержал испытание: все соединения доказали свою прочность, так что нигде не появилось ни малейшей течи. После этого открылся нижний клапан двойного дна, и мы повисли в океане ниже корабельного киля.

Маленькая комнатка оказалась очень уютной, и я восхитился предусмотрительностью и продуманной тщательностью ее обустройства. Электрическое освещение не было включено, однако субтропическое солнце ярко светило, пронзая зеленую, словно бутылочное стекло, воду и проникая внутрь сквозь иллюминаторы. Время от времени на зеленом фоне серебряными искрами мелькали мелкие рыбешки. Внутри по периметру аппарата располагался узкий диван, а над ним, на стене, в строгом порядке помещались все необходимые в подводном путешествии

приборы: батиметрический компас, термометр и другие измерительные устройства. Под диваном хранились баллоны со сжатым воздухом – запас, необходимый на случай отказа воздуховода, трубки которого открывались над головой. Рядом с клапанами, на стене, висел телефонный аппарат. Вскоре мы услышали траурный голос капитана Хоуи.

– Итак, спрашиваю в последний раз: вы действительно решили опуститься? Не хотите вернуться на борт? – обреченно проговорил он.

– Капитан, у нас все в порядке, – нетерпеливо ответил профессор. – Пропускайте трос медленно и постоянно держите кого-нибудь у телефона – я буду сообщать об изменении условий. Когда достигнем дна, остановитесь и дожидайтесь моих дальнейших распоряжений. Пере-напрягать трос не следует, но медленное движение в пределах двух узлов в час вполне возможно. Ну а теперь главная команда: спускайте!

Это слово профессор Маракот выкрикнул, словно лунатик. Настал главный момент его жизни, воплотились все давние, заветные мечты. На миг меня потрясло осознание ситуации: мы с Биллом Сканлэном находились во власти коварного, хотя внешне вполне благовидного маньяка. Судя по всему, у механика сложилось такое же впечатление, поскольку он взглянул на меня с грустной улыбкой и коснулся пальцами лба. Однако после внезапной дикой вспышки энергии профессор вернулся в обычное собранное, сдержанное, вдумчивое состояние. И правда, чтобы убедиться в силе его ума, достаточно было обратить внимание на логику и предусмотрительность обустройства крошечной кабины.

Отныне наше внимание сосредоточилось на поступающих каждое мгновение новых удивительных впечатлениях. Аппарат медленно погружался в океанскую пучину. Светло-зеленая у поверхности вода превратилась в темно-оливковую, а затем цвет постепенно перешел в восхитительный, глубокий синий, вскоре сменившийся мрачным темно-лиловым. Мы спускались все ниже и ниже: сто футов, двести, триста. Воздушные вентили работали безупречно, и мы дышали так же легко и свободно, как на палубе корабля. Стрелка батиметрического прибора медленно перемещалась по светящемуся кругу, показывая четыреста, пятьсот, шестьсот футов.

– Как вы там? – прогремел над головами встревоженный голос капитана.

– Лучше некуда! – прокричал в ответ Маракот.

Вот только, к сожалению, по мере погружения свет неуклонно мерк. Теперь за иллюминаторами стояли тусклые серые сумерки, да и те быстро сменялись полной темнотой.

– Остановитесь! – громко приказал профессор. Движение прекратилось, и мы повисли на глубине в семьсот футов. Раздался щелчок выключателя, и камеру залил яркий золотистый свет. Он проникал сквозь боковые иллюминаторы и длинными лучами освещал окружающую нас водную пустыню. Мы принахили к толстым оконным стеклам, чтобы собственными глазами наблюдать картину подводной жизни, недоступную больше никому.

Прежде мы знали эти глубинные слои исключительно по виду немногих рыб, оказавшихся чересчур медлительными, чтобы увернуться от неуклюжего трала, или слишком глупыми, чтобы избежать сети. А теперь увидели океанский мир в его бесконечном разнообразии. Если все сущее сотворено высшим разумом, то странно, что океанские воды населены значительно богаче земных просторов. Бродвей субботним вечером и Ломбард-стрит в конце рабочего дня выглядят намного свободнее окружающих нас бескрайних просторов. Мы уже миновали тот поверхностный слой, где рыбы либо полностью лишены цвета, либо имеют типичную морскую окраску: ультрамарин сверху и серебро внизу. Здесь подводная жизнь проявлялась во всевозможных оттенках и формах. В лучах яркого света подобно сияющим серебром стрелам мелькали изящные лептоцефалы (личинки угрей). Извиваясь и скручиваясь, словно пружины, медленно проплывали похожие на змей мурены – глубоководные миноги. Состоящий из колючек и огромного рта черный морской еж глупо таранился на наши удивленные лица. Иногда злыми, почти что человеческими глазами в иллюминатор заглядывали бесформенные каракатицы, а порой появлялась и придавала картине особое очарование кристально чистая,

похожая на экзотический цветок уникальная форма морской жизни: кистама или глаукус. Одна огромная ставрида с тупым упорством билась в стекло иллюминатора до тех пор, пока ее не накрыла своей тенью и не проглотила семиметровая акула. Профессор Маракот сидел, словно замороженный, держа на коленях блокнот, куда то и дело записывал свои наблюдения, и тихо бормоча ученые комментарии.

– Что это? Что это? – доносились до меня его восхищенные реплики. – Ах да! Конечно, химера мирабилис, впервые описанная и определенная Майклом Сарсом. А вот это наверняка лепидион, но, насколько могу судить, какого-то прежде неизвестного вида. Взгляните-ка на этого удивительного лобстера, мистер Хедли! Он отличается по цвету от тех, которых мы ловили в сети.

Лишь однажды профессор Маракот растерялся. Случилось это в тот момент, когда мимо иллюминатора с огромной скоростью сверху вниз метнулся длинный овальный объект, тонкий вибрирующий хвост которого тянулся вверх и вниз, насколько хватало нашего обзора. Признаться, что я впал в такое же недоумение, как профессор, и только Билл Сканлэн сумел быстро разгадать тайну необычного явления.

– Скорее всего, болван Джон Суини решил бросить лот рядом с нами, чтобы мы тут не страдали от одиночества, – предположил он.

– Конечно, конечно! – усмехнулся Маракот. – Так называемый “плюмбус лонгикаудатус” – новый вид глубоководного существа, мистер Хедли, с длинным металлическим хвостом и свинцовым грузом в носу. Впрочем, измерения глубины необходимы, чтобы пароход не сел на мель, образованную берегами подводного кратера. Все в порядке, капитан Хоуи! – крикнул он в телефонную трубку. – Можете продолжать погружение!

Мы снова начали опускаться. Профессор Маракот выключил электрическое освещение, и камера оказалась в полной темноте, если не считать светящейся шкалы батометра, хладнокровно измерявшего наше падение и отсчитывавшего фут за футом глубины. Если бы не легкое покачивание аппарата, мы вообще не ощутили бы движения. Только неумолимые шаги стрелки сообщали о нашем ужасном, непостижимом положении. Теперь мы находились на глубине в тысячу футов, и воздух в камере явно становился все более затхлым. Сканлэн смазал клапан выводящей трубки, и положение исправилось. На отметке в полторы тысячи футов мы остановились и снова зависли в океане с включенными фонарями. Мимо проплыла какая-то огромная темная масса, однако мы не сумели определить, была ли это рыба-меч, глубоководная акула или другое, пока не известное науке чудовище. Профессор Маракот поспешно выключил свет.

– Вот она, наша главная опасность, – пояснил он. – В океанской пучине есть такие твари, нападению которых этот стальной ящик способен сопротивляться ничуть не лучше, чем пчелиный улей атаке разъяренного носорога.

– Например, киты? – уточнил Билл Сканлэн.

– В том числе. Киты действительно способны опускаться на большую глубину, – ответил ученый. – Известно, что однажды гренландский кит совершил нырок перпендикулярно поверхности моря и утащил за собой почти милю троса. Но так низко киты уходят только в случае серьезного ранения или большого испуга. Скорее всего, мы только что увидели гигантского кальмара: уж они-то встречаются где угодно.

– Надеюсь, кальмары слишком мягкие, чтобы повредить наш аппарат, – заметил Сканлэн. – Было бы забавно, если бы эта желеобразная тварь смяла никелированную сталь фирмы “Меррибэнкс”.

– Тело-то у них действительно мягкое, – возразил профессор, – однако клюв большого кальмара без труда пронзает железный брусок. Так что одного удара этого клюва достаточно, чтобы проткнуть наше стекло толщиной в дюйм с такой легкостью, как будто это пергамент.

– Ничего себе! – изумленно воскликнул Билл Сканлэн.

Вот так, не переставая удивляться и обсуждать все, что встречали по пути, мы продолжали погружение и теперь уже медленно двигались вниз до тех пор, пока не достигли дна. Приземление произошло настолько мягко, что мы бы не заметили остановки, если бы, включив свет, не увидели вокруг аппарата свернувшийся множеством колец трос. Металлическая проволока представляла собой нешуточную опасность, ибо могла повредить воздухопроводы. По приказу профессора Маракота излишки троса немедленно подтянули на корабль. Батометр показал глубину в тысячу восемьсот футов. Итак, мы достигли цели и теперь неподвижно лежали на вулканическом гребне на дне Атлантического океана.

Глава II

Иногда мне кажется, что каждый из нас троих испытывал лишь одно чувство: полное нежелание что-либо делать и что-либо видеть. Хотелось просто сидеть неподвижно и думать о свершившемся чуде: о том, что мы попали на дно одного из величайших мировых водных пространств. Но скоро освещенная фонарями странная сцена за стенами камеры снова заставила нас прильнуть к иллюминаторам.

Мы опустили на скопление высоких водорослей (*Cutleria multifida*, – определил профессор Маракот). Под воздействием глубоководного течения высокие желтые стебли покачивались точно так же, как на земле колышутся на летнем ветру ветки деревьев. И все же водоросли не выросли настолько, чтобы полностью закрыть нам обзор, хотя золотистые в потоке света, широкие листья время от времени оказывались перед глазами. За ними простирался склон из какого-то темного, похожего на шлак вещества, щедро расцвеченный прелестными яркими существами – голотуриями (морскими огурцами), асцидиями, морскими ежами и иглокожими – так же обильно, как весной в Англии склоны покрываются нарциссами, гиацинтами и примулами. Эти живые морские цветы особенно привлекательно смотрелись на угольно-черном фоне. Время от времени из узких мрачных расселин среди камней выплывали огромные губки, а изредка в круге яркого света мелькали цветастые рыбы, попавшие сюда, на глубину, из средних слоев океана. Мы заворожено любовались восхитительной картиной, когда из переговорного устройства вновь донесся встревоженный голос капитана Хоуи:

– Ну и как там, на дне? Нравится? Все в порядке? Не задерживайтесь надолго. Барометр падает, как бы не пришел шторм. Воздуха хватает? Мы можем чем-нибудь вам помочь?

– Все в порядке, капитан! – жизнерадостно прокричал в ответ профессор Маракот. – Не беспокойтесь, надолго не задержимся. Вы отлично о нас заботитесь: здесь удобно, чувствуем себя так, словно расположились в уютнейшей из кают. Постарайтесь немного продвинуть аппарат вперед, только медленно.

Мы попали в окружение светящихся рыб. Выключили свет и в полной темноте – такой, где чувствительная к свету пластина могла бы в течение часа не реагировать даже на смутный след ультрафиолетового луча – принялись увлеченно наблюдать за фосфоресцирующей океанской фауной. Мимо нас театрально, словно на фоне черного бархатного занавеса, неторопливой чередой двигались точки яркого света, как будто темной ночью проходил многопалубный пассажирский пароход с длинными рядами освещенных окон. Вот откуда-то появилось чудовище со страшными, светящимися во мраке зубами, которыми оно шелкало, словно воплощенная в живое существо ветхозаветная кара. Другое удивительное существо обладало длинными золотистыми усами, третье забавно несло на голове пылающий хохолок. Насколько хватало взгляда, вокруг мелькали сияющие точки: каждое, даже самое мелкое создание спешило по собственным важным делам, самостоятельно освещая себе путь и двигаясь не менее уверенно, чем таксисты на Стрэнде в час театрального разъезда. Скоро мы тоже включили свет, и профессор Маракот занялся изучением океанского дна.

– Конечно, аппарат опустился очень глубоко, но все же не настолько, чтобы исследовать характерный геологический рельеф поверхности, – заметил он. – К сожалению, сейчас эта задача нам не под силу. Может быть, в следующий раз, оснастив камеру более длинным канатом...

– Еще чего! В следующий раз! – возмущенно прорычал Билл Сканлэн. – Следующего раза не будет! Даже не думайте об этом!

Профессор Маракот снисходительно улыбнулся.

– Скоро вы привыкнете к новым условиям, Сканлэн, освоитесь с глубиной и успокоитесь. Конечно, это лишь пробное погружение: оно ни в коем случае не должно оказаться первым и последним.

– К черту ваши безумные планы! – сердито пробормотал механик.

– В будущем глубоководное путешествие покажется вам не более сложным и ответственным, чем обычный спуск в трюм парохода “Стратфорд”. Даже сквозь густые заросли гидрозои и кремнеземных губок вы, мистер Хедли, наверняка заметили, что основу донного покрытия составляют гравий из пемзы и черная базальтовая окалина. И первое, и второе вещество определенно указывают на древнюю магматическую активность. Больше того, я склонен думать, что геологический состав местной почвы подтверждает мою теорию о том, что гребень, на котором мы сейчас находимся, представляет собой часть вулканической формации. Сама же *Маракотова бездна*, – последние два слова профессор произнес с любовной тщательностью и даже, прислушиваясь к звучанию, повторил, – Маракотова бездна является не чем иным, как внешним склоном горы. Полагаю, было бы исключительно интересно и познавательно медленно, не торопясь продвинуть аппарат к самому краю впадины и заглянуть внутрь с наиболее выгодной позиции. Предполагаю, что мы обнаружим уходящий на огромную глубину крутой обрыв.

С самого начала эксперимент показался мне крайне опасным: неизвестно, выдержит ли тонкий трос нагрузку бокового движения тяжелой металлической камеры. Однако, когда речь заходила о научном наблюдении, Маракот категорически отказывался думать об опасности как для себя, так и для других. Затаив дыхание, мы с Биллом следили за тем, как наш подводный дом медленно, раздвигая водоросли и до предела натягивая трос, полз по гребню. Однако трос с честью выдержал испытание, и мы продолжили мягко скользить по океанскому дну. Не выпуская из руки компас, профессор Маракот хладнокровно командовал движением по переговорному устройству, время от времени предусмотрительно приказывая приподнять аппарат, чтобы избежать столкновения с препятствием.

– Этот базальтовый гребень не может простираться в ширину дальше чем на милю, – обратился он к нам. – Я определил, что пропасть находится к западу от места нашего погружения. Если расчет верен, то очень скоро мы достигнем цели.

Не переставая любоваться золотыми волнами водорослей и сияющими из черной оправы природными сокровищами, мы беспрепятственно скользили по вулканической поверхности. Внезапно профессор крикнул в телефонную трубку:

– Остановитесь, капитан! Мы прибыли туда, куда хотели!

И правда, перед нашими взорами открылась устрашающего вида пропасть – ужасное место, способное привидеться разве что в жутком ночном кошмаре. Сияющие стены из черного базальта почти отвесно уходили в неведомую глубину. Свисающие заросли ламинарии окаймляли бездну точно так же, как вездесущий папоротник заселяет края земного ущелья. Однако здесь, под раскачивающимся, вибрирующим занавесом, не было ничего, кроме блестящих черных стен адской пропасти. Противоположный каменистый берег терялся вдали: ширина провала могла оказаться огромной, поскольку даже наши мощные прожекторы не обладали достаточной силой, чтобы прорезать лежавший впереди глухой мрак. А когда мы направили вниз сигнальную лампу Лукаса, ее параллельные лучи ушли далеко вниз и пропали в открывшемся перед нами ужасном, неизмеримо глубоком подводном каньоне.

– Поистине поразительно, ничего не скажешь! – воскликнул профессор с выражением собственного удовлетворения на худом энергичном лице. – Что касается глубины, то существуют значительно более впечатляющие океанские впадины. Например, впадина Челленджера возле Ладронских островов насчитывает двадцать шесть тысяч футов, впадина под названием Глубина Галатеи к востоку от Филиппин еще внушительнее: тридцать две тысячи футов. Есть и немало других, однако, скорее всего, ни одна из них не сравнится с Маракотовой

бездной крутизной стен. К тому же наша впадина долгое время таилась от изучавших Атлантический океан гидрографов. Не приходится сомневаться, что...

Профессор не договорил, застыв с выражением острого интереса и удивления на лице. Взглянув поверх его плеча, мы с Биллом Сканлэном окаменели в изумлении и страхе от представшего перед глазами зрелища.

В полосе света от нашей сигнальной лампы из пропасти медленно, неуклюже поднималось какое-то огромное существо. Далеко внизу, куда уже не попадали лучи, мы смутно разглядели извивающееся, дергающееся в медленном восходящем движении отвратительное тело. Неуклюже загребая лапами и тускло мерцая, мерзкая тварь упорно подбиралась к краю провала. Вскоре она попала в полосу света лампы, и мы ясно увидели уродливую форму не по частям, а всю целиком. Неизвестное науке животное во многом напоминало знакомые виды фауны. Слишком длинное для гигантского краба и слишком короткое для огромного омара, существо больше всего походило на лангуста с двумя пугающими вытянутыми клешнями по бокам и качающимися перед тупыми черными глазами усами длиной в шестнадцать футов. Светло-желтый панцирь мог достигать десяти футов в поперечнике, а длина его, не считая усов, наверняка превышала все тридцать футов!

– Чудесно! Восхитительно! – восторженно вскричал Маракот и, схватив блокнот, принялся что-то лихорадочно записывать. – И что же мы здесь видим? Да-да, конечно: глаза на подвижных стеблях, эластичные сочленения. Вывод: перед нами представитель семейства ракообразных, вид неизвестен. Назовем его *Crustaceus Maracoti* (ракообразное Маракота). Право, почему бы нет? Звучит отлично.

– Видит бог, назовите его как угодно, но эта зверюга ползет прямоком к нам! – в страхе воскликнул Билл. – Послушайте, профессор, что насчет того, чтобы поскорее выключить свет?

– Сейчас, потерпите минутку, вот только зарисую сетчатый узор на панцире, – невозмутимо ответил пытливый натуралист. – Да-да, готово.

Завершив изображение, он выключил прожектор, и мы оказались в чернильной тьме, лишь изредка прорезаемой напоминающими метеоры в безлунную ночь фосфоресцирующими вспышками.

– В жизни не встречал такой образины, – вытирая со лба пот, признался ошеломленный Билл Сканлэн. – Чувствовал себя ничуть не лучше, чем наутро после грандиозной попойки.

– Вы правы. Смотреть действительно страшно, – согласился профессор. – И все же, несомненно, еще страшнее встретиться с чудовищем на узкой дорожке и на себе испытать захват его мощных клешней. Но, к счастью, мы можем позволить себе наблюдать за чудовищем через окно безопасной камеры.

Не успел он произнести эти жизнеутверждающие слова, как на стену нашего аппарата обрушился сокрушительный удар – как будто стукнули железной киркой. Затем послышался душераздирающий металлический скрежет, и тут же последовал новый резкий удар.

– Похоже, общий любимец желает зайти в гости! – с тревогой крикнул Билл. – Ей-же-ей, нам надо было заранее написать на стене лачуги предупреждение: “Вход воспрещен”.

Судя по тому, как дрожал голос неунывающего механика, веселье его не отличалось искренностью. Да я и сам трепетал от страха, глядя, как лютое чудовище исследует каждый из иллюминаторов по очереди, чтобы раздавить попавшуюся на пути жалкую скорлупку и пожить содержимым.

– Не бойтесь, зверь не сможет нам навредить, – успокоил профессор, однако голос его прозвучал куда менее уверенно, чем прежде. – Что, если нам его стряхнуть?

Взявшись за телефонную трубку, он обратился к капитану Хоуи:

– Поднимите нас футов на двадцать-тридцать.

Через несколько секунд мы плавно взмыли над состоящей из вулканической лавы долиной и переместились в спокойную воду. Однако хищное существо отступать не собиралось.

Очень скоро вновь послышался скрежет мощных щупалец и резкий стук клешней: мы явно подверглись тактильному изучению. До чего же тяжело молча и неподвижно сидеть в полной темноте, беспомощно сознавая, что смерть рядом! Выдержит ли стекло давление каменных клешней? Такой вопрос мысленно задавал себе каждый из нас.

Но внезапно появилась еще более пугающая опасность. Стук перешел на крышу нашей “хижины”, и та начала ритмично раскачиваться.

– Царица небесная! – в ужасе воскликнул я. – Да он же захватил трос! Теперь наверняка порвет!

– Послушайте, профессор, – не выдержал Билл Сканлэн. – Мы уже увидели здесь все, что планировали увидеть. Не пора ли подняться на поверхность? “Дом, милый дом”. Клянусь всеми святыми, на свете нет ничего лучше солнца, неба и воздуха! Обратитесь к капитану, пусть поскорее поднимет нас на судно.

– Но работа не закончена даже наполовину, – недовольно проворчал Маракот. – Исследование краев пропасти только началось. Давайте хотя бы определим ее ширину. А когда попадем на противоположную сторону, может быть, я дам согласие вернуться.

Он решительно заговорил в трубку:

– Все в порядке, капитан. Перемещайте нас со скоростью в два узла до тех пор, пока я не попрошу остановиться.

Мы начали медленно продвигаться вдоль края впадины. Поскольку темнота не спасала от атаки монстра, снова включили прожекторы. Один из иллюминаторов оказался полностью заблокирован фрагментом огромного тела – скорее всего, чешуйчатым животом. Голова и клешни рака оставались над аппаратом и продолжали испытывать трос на прочность, так что мы по-прежнему раскачивались, как звонящий колокол. Чудовище проявляло невероятную силу. Попадали ли другие смертные в подобную ситуацию – с пятью милями воды внизу и смертельной угрозой сверху? С каждой секундой колебания становились все яростнее. Капитан Хоуи заметил, как дергается трос, и испуганно спросил, что с нами происходит. Маракот вскочил и в порыве отчаянья беспомощно воздел руки. Даже находясь в капсуле, мы услышали скрежет рвущегося металлического троса, а мгновенье спустя полетели в бездонную пропасть.

Оглядываясь на этот страшный момент, вспоминаю дикий вопль профессора Маракота:

– Трос оборвался! Вы больше ничего не сможете сделать! Мы погибнем! – истошно кричал он в телефонную трубку. – Прощайте, капитан! Прощайте все!

Таковыми были наши последние слова, обращенные к миру людей.

Однако мы не полетели резко вниз, как можно было бы предположить исходя из веса аппарата. Внутренняя пустота придала капсуле некоторую способность держаться на воде, поэтому в пропасть мы опускались медленно и плавно. До моего слуха донесся продолжительный скрип – это металлический гроб выскользнул из клешней погубившего нас ужасного существа и, мягко вращаясь и описывая в океанской толще широкие круги, начал погружаться на неизмеримую глубину. Прошло минут пять, показавшихся нам часом, прежде чем телефонный провод достиг предела длины и оборвался, словно тонкая нить. Почти одновременно с ним оборвался и воздухопровод, а сквозь клапаны в кабину полилась соленая вода. К счастью, Билл Сканлэн не растерялся, а точными, быстрыми движениями крепко-накрепко затянул веревками резиновые трубки и остановил потоп. Тем временем профессор Маракот поспешно отвинтил крышку баллона со сжатым воздухом, и послышалось легкое шипенье: воздух начал поступать в камеру. Обрыв троса прекратил подачу электричества, однако даже в полной темноте профессор сумел соединить батареи, чтобы включить несколько встроенных в потолок ламп.

– Заряда хватит на неделю, – заметил он с мрачной улыбкой. – По крайней мере, умрем мы не в темноте.

Он грустно покачал головой; на худом усталом лице появилось выражение глубокого раскаяния.

– Себя мне несколько не жаль – я старый человек; успел прожить интересную, полную событий жизнь и добросовестно выполнить свою работу. Жалею лишь об одном: что позволил двум молодым людям разделить со мной смертельную опасность. Надо было рисковать в одиночку.

Не зная, что сказать в ответ, я просто крепко пожал ему руку. Билл Сканлэн обреченно промолчал, ограничившись печальным взглядом. Мы медленно погружались в неизвестность, то и дело замечая проплывавших мимо иллюминаторов глубоководных рыб. Казалось, это не мы опускались, а они поднимались, скользя мимо иллюминаторов. Камера по-прежнему мерно раскачивалась. Ничто не могло помешать металлическому ящику перевернуться набок или даже вверх дном. К счастью, внутри наш вес распределился равномерно, так что удалось сохранить горизонтальное положение. Взглянув на батометр, я увидел, что в режиме свободного падения мы уже преодолели расстояние в целую милю.

– Видите, все происходит именно так, как я предсказывал, – с тенью мрачного самодовольства заметил профессор Маракот. – Должно быть, вы читали мою статью в “Трудах океанографического общества” о соотношении давления и глубины. Хотелось бы, конечно, иметь возможность сказать миру еще несколько разумных слов и убедительно разоблачить несостоятельность измышлений профессора Бюлова из Гессенского университета, который осмелился оспаривать мои заключения.

– Черт возьми! Если бы мне удалось обратиться к внешнему миру хотя бы с парой словечек, я не стал бы тратить красноречие на какого-то высоколобого тупицу, – горячо возразил механик. – В Филадельфии живет одна милая девушка. Узнав, что Билл Сканлэн погиб, бедняжка прольет горючие слезы. Честно говоря, на нашу долю выпала чертовски странная гибель.

– Тебе не надо было ввязываться в нашу авантюру, – ответил я, беря его за руку.

– Только представь, каким бы трусом я себя назвал, если бы увильнул, – упрямо стоял на своем Билл. – Нет уж, такова моя работа: оставаться рядом с техникой; точнее, внутри техники. Ей-богу, я рад, что поступил по совести.

– Сколько еще нам... осталось? – после долгого молчания спросил я профессора.

Маракот пожал плечами.

– Надеюсь, что мы успеем увидеть настоящее океанское дно. Запасов воздуха хватит почти на сутки. Вот только скоро возникнет проблема с выдыхаемым углекислым газом. Скорее всего, из-за него-то мы и погибнем: отравимся и задохнемся. Если бы можно было каким-нибудь образом избавиться от смертельного вещества... но, насколько я понимаю, это невозможно. На крайний случай я взял с собой один баллон чистого кислорода. Если время от времени делать несколько вдохов, нам удастся немного продлить жизнь. Смотрите, мы уже достигли глубины в две мили.

– Но зачем пытаться продлить иллюзию жизни? – удивился я. – Разве не будет лучше, если мучения закончатся как можно скорее?

– Верно! – поддержал Билл Сканлэн. – Ради чего тянуть?

– Например, ради того, чтобы не пропустить самое восхитительное зрелище из всех, что когда-либо открывались человеческому взору! – убежденно возразил Маракот. – Чтобы не предать великую, бессмертную науку. Нет уж, давайте проследим процесс до самого конца, даже если результаты исследования погибнут вместе с нами. Не поддадимся же слабости и не выйдем из игры, прежде чем распорядится сама природа!

– А вы крепкий орешек, профессор! – восхитился Билл. – Нам с вами не тягаться! Что ж, будь по-вашему: пойдем до конца.

Мы неподвижно сидели на диванах, судорожно вцепившись в край и пытаясь не упасть – профессор Маракот у одной стены, а мы с Биллом напротив. Аппарат продолжал раскачиваться и кружиться, а рыбы все так же мелькали в иллюминаторах снизу вверх.

– Ну вот, уже прошли три мили, – невозмутимо заметил наш наставник. – Пожалуй, все-таки подам немного кислорода, мистер Хедли: уже почти невозможно дышать. Одно несомненно, – добавил он с характерным коротким сухим смешком. – Отныне и впредь эта впадина точно будет носить имя “Маракотова бездна”. Когда капитан Хоуи сообщит о моей смерти, коллеги позаботятся о том, чтобы могила превратилась в памятник. И даже Бюлов из Гессенского университета... – И он еще минут пять продолжал распространяться о какой-то давней научной обиде.

Потом снова повисло тяжелое молчание. Стрелка батометра упорно подбиралась к четвертой миле. Один раз аппарат на что-то наткнулся и ударился с такой силой, что едва не перевернулся набок. Это могла быть огромная рыба или скальный выступ, далеко высунувшийся из стены, с края которой мы сорвались. Тогда нам казалось, что край пропасти сам по себе находится на огромной глубине, а теперь, из нынешнего положения, он представлялся едва ли не мелководьем. И все же покачивание, кружение и погружение сквозь бесконечную темно-зеленую воду все продолжалось и продолжалось. Батометр уже отметил глубину в двадцать пять тысяч футов.

– Почти дошли до дна, – констатировал профессор Маракот. – В прошлом году регистратор Скотта показал максимальную глубину в двадцать шесть тысяч семьсот футов. Через несколько минут узнаем свою участь. Возможно, удар нас убьет. А возможно...

В этот миг мы приземлились.

Ни одна, даже самая любящая мать не опускала своего младенца на перину так бережно, как мы опустились на дно Атлантического океана. Глубокий слой мягкого эластичного ила послужил надежным амортизатором и избавил аппарат даже от самого легкого удара. Мы сидели неподвижно, что оказалось весьма кстати, так как половиной дна камера опустилась на небольшую, покрытую студенистой массой возвышенность и осталась балансировать без опоры. Существовала неиллюзорная опасность перевернуться, однако в конце концов установилось надежное равновесие. Только после этого профессор Маракот посмотрел в иллюминатор и с изумленным возгласом поспешил выключить свет. К своему огромному удивлению, мы по-прежнему все видели. Сквозь иллюминаторы подобно холодному мерцанию зимнего утра проникал слабый туманный свет. Мы смотрели на странную картину вокруг и без дополнительного освещения наблюдали все, что находилось в пределах сотни ярдов. Непонятное, непостижимое явление! И все же собственное зрение доказывало, что так оно и было: оказалось, что дно великого океана само по себе излучает неяркое сияние.

– Почему бы и нет? – воскликнул профессор Маракот после пары минут пораженного молчания. – Разве мне не следовало предвидеть столь закономерное сочетание физических и биологических свойств материи? Что это: птероподы или скопившаяся масса раковин? Разве мерцание не представляет собой результат разложения миллиардов крошечных органических существ? И разве естественный биологический процесс не влечет за собой фосфоресцирующий эффект? Где же еще наблюдать столь важное природное явление, как не здесь, на огромной глубине? О, до чего же печально стать свидетелем подобной восхитительной картины, но не иметь возможности поведать о ней миру!

– И все же, – заметил я, – в свое время мы загребли тралом почти полтонны желе из радиолярий, но подобного эффекта не обнаружили.

– Несомненно, люминесцентные свойства массы исчезли по пути к поверхности, – возразил профессор. – К тому же что такое полтонны в сравнении с бескрайними полями медленного, бесконечного разложения? Смотрите, смотрите! – воскликнул он в порыве неконтролируемого творческого волнения, – глубоководные создания пасутся на этом органическом ковре, как у нас на земле стада пасутся на лугах!

Как раз в этот момент к нам подплыла стая больших черных рыб. Тяжелые и плоские, по пути они что-то постоянно подбирали с пористого, похожего на губку дна. Другое массив-

ное существо, на сей раз красного цвета, подобно глупой океанской корове медленно жевало жвачку прямо перед моим иллюминатором. Другие твари паслись вокруг аппарата, время от времени флегматично поглядывая на внезапно появившийся странный объект.

Я не мог не восхищаться самообладанием профессора Маракота: сидя в душливой атмосфере и находясь на грани смерти, он по-прежнему активно отвечал на зов науки и прилежно записывал в блокнот драгоценные наблюдения. Не следуя его педантичности, сам я тем не менее делал собственные мысленные заметки, которые навсегда запечатлелись в моем сознании. Обычно океанское дно покрыто красной глиной, однако здесь присутствовал серый глубинный ил, создававший бескрайнюю волнообразную равнину. Плавность ее рельефа то и дело нарушалась многочисленными причудливыми холмами, подобными тому, на который мы опустились. Все эти возвышенности мерцали в призрачном свете, а между ними металась стаи восхитительных, в большинстве своем неизвестных науке разноцветных рыб, хотя среди этого мельтешения заметно преобладали черные и красные виды. Профессор Маракот наблюдал за окружающей фауной с пристальным вниманием, то и дело что-то пометая в своем блокноте.

Воздуха уже не хватало: нам вновь пришлось спасаться порцией кислорода из баллона. Внезапно мы осознали, что не просто голодны, а зверски голодны, и с остервенением набросились на предусмотрительно запасенную Маракотом простую, но сытную еду – тушеную говядину с хлебом и маслом, закончив трапезу щедрой порцией разбавленного водой виски. Подкрепив силы и оживив восприятие, я сидел возле своего окна в подводный мир и мечтал о последней сигарете, когда перед глазами возникло нечто, породившее круговорот странных мыслей и предчувствий.

Я уже сказал, что окружавшая нас серая долина была усеяна похожими на холмы образованиями. Непосредственно перед моим иллюминатором, на расстоянии примерно тридцати футов, находился особенно большой холм. Сбоку на нем виднелась характерная отметка, снова и снова повторявшаяся до тех пор, пока цепочка не выходила из поля зрения. На пороге смерти трудно заинтересоваться чем-то, связанным с внешним миром, и все же у меня перехватило дыхание и едва не остановилось сердце, когда, к своему удивлению, я осознал, что вижу хотя и стертый, обросший ракушками, но явно различимый и, несомненно, вырезанный человеческой рукой фриз – узор на камне. Маракот и Сканлэн мгновенно отозвались на мой призыв и с нескрываемым восхищением обратили внимание на результат вездесущей творческой энергии.

– Да это же резьба! – воскликнул Билл Сканлэн. – Должно быть, этот чудной холм – не что иное, как часть здания. Значит, и все остальные холмы – тоже здания. Послушайте, профессор, кажется, мы попали не куда-нибудь, а в самый настоящий город.

– Да, это действительно древний город, – подтвердил Маракот. – Геология учит, что некогда моря были континентами, а континенты – морями. Однако я никак не могу согласиться с тем, что в столь недавние времена могло произойти атлантическое оседание почвы, как в четвертичный период. Хотя... приходится признать, что пересказанные Платоном египетские предания основаны на фактах. А вулканические образования убедительно доказывают, что оседание материка происходило в результате бурной сейсмической активности.

– Смотрите, возвышенности расположены в определенном порядке, – заметил я. – Кажется даже, что это не отдельные здания, а башни и архитектурные детали какого-то единого величественного строения.

– Ну еще бы! – согласился Билл Сканлэн. – По углам явственно заметны большие купола, а между ними притаились купола поменьше. Если бы можно было увидеть все целиком! Наверняка здесь поместился бы весь завод “Меррибэнкс”!

– В результате долговременных заносов на поверхности остались только самые высокие фрагменты крыши, – пояснил профессор Маракот. – С другой стороны, здание до сих пор не рухнуло. На большой глубине держится постоянная температура чуть выше 32 градусов по

Фаренгейту, что сдерживает и даже останавливает разрушительные процессы. Даже разложение устилающих океанское дно и порождающих свечение органических остатков происходит очень медленно. Но присмотритесь! Эти знаки – вовсе не декоративный узор, а содержащая некий текст надпись!

Сомневаться в правоте нашего мудрого наставника не приходилось. В ряду постоянно повторялся один и тот же символ. Открывшийся нашим изумленным взорам фриз действительно представлял собой чередование букв какого-то древнего алфавита.

– Я изучал финикийские археологические находки и вижу в этих знаках нечто знакомое и наводящее на плодотворные размышления, – задумчиво произнес профессор. – Итак, мы обнаружили древний город, но это удивительное открытие унесем с собой в могилу. Больше мы ничего не сможем выяснить: книга знаний захлопнулась. Согласен с вами в том, что чем скорее настанет конец, тем лучше.

Да, финал экспедиции стремительно приближался. Воздуха ощутимо не хватало; мы уже мучительно задыхались. Содержание углекислого газа повысилось настолько, что кислород с трудом преодолевал давление и едва пробивался из баллона. Встав на диван, можно было глотнуть более чистого воздуха, однако уровень затхлости заметно повышался. Профессор Маракот с отрешенным видом сложил руки на груди и безвольно опустил голову. Билл Сканлэн, окончательно обессиленный от воздействия углекислого газа, распростерся на полу. У меня отчаянно кружилась голова, а на сердце навалилась невыносимая тяжесть. Я закрыл глаза: чувства стремительно притуплялись. А когда с трудом поднял веки, чтобы в последний раз взглянуть на прекрасный мир, который покидал, тут же с изумленным криком вскочил на ноги.

Сквозь иллюминатор на нас смотрело человеческое лицо!

Не бред ли это? Я схватил профессора за плечо и с силой встряхнул. Он резко выпрямился и удивленно, утратив дар речи, взглянул на призрак. Если он видел его так же отчетливо, как я, значит, это не была всего лишь причуда моего угасающего сознания. Лицо выглядело длинным, худым и смуглым, с короткой остrokонечной бородкой и быстрыми, зоркими темными глазами, пытливо изучавшими каждую деталь нашего трагического положения. Кажется, человек все понимал; тем не менее лицо выражало крайнюю степень изумления. В нашем аппарате горел свет, и, должно быть, перед ним предстала ужасающая картина тесной камеры смерти, где один обреченный обитатель уже лежал на полу бездыханным, а двое других, с мучительно искаженными близкой кончиной чертами, задыхались и едва не теряли сознание. Мы оба – и я, и профессор Маракот – беспомощно держались за горло, а тяжело вздымавшаяся грудь свидетельствовала об отчаянии. Человек взмахнул рукой и исчез.

– Он нас бросил! – горестно воскликнул Маракот.

– Или поспешил за помощью. Давайте поднимем Сканлэна и положим на диван. На полу он наверняка умрет.

С трудом мы втащили механика на узкий диван, а его голову аккуратно положили на подушки. Лицо Сканлэна стало серым, он что-то бормотал в бреду, но пульс по-прежнему прощупывался, хотя и слабо.

– Надежда еще есть, – прохрипел я.

– Но это же безумие! – из последних сил отозвался профессор. – Как человек может жить на океанском дне? Чем здесь дышать? Должно быть, мы стали жертвами коллективной галлюцинации. Мой юный друг, мы с вами определенно сходим с ума, причем одновременно.

Глядя на застывшую в неживом призрачном свете пустынную серую долину, я подумал, что Маракот прав, но спустя миг заметил движение. Вдалеке показались тени, вскоре получившие определенные очертания и превратившиеся в целенаправленно приближавшиеся человеческие фигуры. По океанскому дну к нам спешила группа людей, а мгновение спустя все они собрались перед одним из иллюминаторов и, показывая на нас пальцами, активно жестикули-

руя, начали о чем-то бурно спорить. В толпе присутствовали несколько женщин, но подавляющее большинство составляли мужчины. Один из них отличался от остальных более высоким ростом, мощной фигурой и очень большой головой с пышной черной бородой. Этот человек определенно пользовался особым авторитетом. Он быстро осмотрел наш аппарат и, поскольку край его не помещался на том холме, куда мы приземлились, увидел в дне люк. Тут же отправил одного из спутников в том направлении, откуда все появились, и принялся знаками требовать, чтобы мы открыли дверь.

– Почему бы и нет? – спросил я. – Утонуть ничуть не страшнее, чем задохнуться. Так или иначе, конец один.

– Может быть, и не утонем, – с надеждой в голосе ответил Маракот. – Поступающая снизу вода не сможет подняться выше уровня сжатого воздуха. Дайте Скэнлэну немного виски. Пусть сделает усилие, даже если оно окажется последним. Необходимо, чтобы наш друг принял вертикальное положение.

Я влил в рот механика немного алкоголя. Тот с усилием проглотил терпкую жидкость и изумленно посмотрел вокруг. Вдвоем с профессором мы посадили Билла на диван и встали по обе стороны. Выглядел он ошарашенным, а соображал, судя по всему, совсем плохо, но я все-таки в нескольких словах объяснил ситуацию.

– Если вода зальет батареи, может возникнуть отравление хлором, – предупредил профессор. – Откройте все баллоны с воздухом: чем выше станет давление, тем меньше воды к нам попадет. А сейчас помогите мне повернуть рычаг и открыть люк.

Хотя я чувствовал, что принимаю участие в коллективном самоубийстве, навалившись как следует все вместе, мы сдвинули с люка круглую пластину. Как и следовало ожидать, булькая, пенясь и сверкая в электрическом свете, в наш маленький дом тотчас хлынула вода. Быстро достигла она наших щиколоток, колен, пояса, и на этом уровне внезапно остановилась. Однако давление воздуха оказалось невыносимым. Головы у нас закружились, а в ушах застучала барабанная дробь. Долго существовать в такой атмосфере было невозможно. Чтобы удержаться на ногах, пришлось из последних сил вцепиться в край стола.

Стоя, мы уже не могли смотреть в иллюминаторы и не знали, что делается для нашего освобождения. Трудно было представить, что подошедшие люди способны оказать эффективную помощь, и все же решительный, деловой вид собравшихся и особенно властный облик их коренастого бородатого предводителя внушали туманную надежду. Неожиданно лицо вождя появилось в круглом отверстии, а спустя миг он пролез в люк и ловко забрался на диван, чтобы встать рядом с нами. Оказавшийся приземистым, не выше моего плеча, плотный мужчина с исполненными заинтересованной уверенности большими карими глазами словно бы хотел успокоить нас: “Бедняги, думаете, что попали в ловушку? Не бойтесь, я отлично знаю, как вас спасти”.

Только сейчас я заметил одну поразительную особенность пришельца: человек, если он действительно принадлежал к тому же биологическому виду, что и мы, находился в прозрачном скафандре, закрывавшем голову и тело, но оставлявшем свободными руки и ноги. Оболочка была настолько тонкой и малозаметной, что в воде оставалась невидимой, но сейчас, на воздухе, блестела серебром, хотя сохраняла прозрачность тончайшего стекла. На каждом плече под защитной пленкой виднелись странные, похожие на удлиненные ящики со множеством отверстий, округлые выступы, отчего казалось, что костюм нашего спасителя украшен эполетами.

Вскоре в донном люке появилось другое смуглое лицо: очередной посетитель бросил нам что-то, напоминавшее стеклянный пузырь, а за ним и еще два. Неведомые предметы закачались на поверхности воды. Потом мы получили шесть небольших коробочек с тесемками, и новый знакомый привязал по одной к плечам каждого из нас по примеру того, как они держались на его собственных плечах и плечах первого гостя. Вскоре я начал понимать, что суще-

ствование удивительного подводного народа ничуть не нарушает законов природы: оказалось, что в то время как одна из коробочек подает воздух, вторая накапливает продукты дыхания. Затем спаситель через головы надел на нас прозрачные скафандры, и с помощью эластичных лент они плотно обхватили предплечья и талию, так что вода уже не могла проникнуть внутрь. Теперь мы снова дышали легко, и я с радостью заметил, что профессор Маракот смотрит на меня прикрытыми стеклами очков глазами, в которых, как прежде, сверкают лукавые искры, а широкая улыбка Билла Сканлэна доказывает возвращение к жизни: наш незаменимый механик возродился и снова стал самим собой. Новый друг взглянул на каждого из нас серьезно, но с очевидным удовлетворением и жестом пригласил сквозь люк покинуть камеру, чтобы последовать за ним на океанское дно. Тут же к нам протянулась дюжина благожелательных рук, готовых помочь выбраться на свободу и поддержать в первых неуверенных шагах по глубокому илу.

Даже сейчас, по прошествии времени, я не могу забыть ощущение чуда! Целые и невредимые, мы втроем оказались на дне вулканической пропасти, под слоем океанской воды высотой в пять с лишним миль! Где же то ужасное давление, которое возбуждало воображение множества ученых? Мы ощущали его ничуть не больше, чем мелькающие вокруг маленькие рыбки. Да, тела наши действительно находились под защитой оказавшихся крепче закаленной стали тонких, прозрачных оболочек, но ведь открытые руки и ноги испытывали всего лишь плотное соприкосновение с водой, со временем становившееся практически незаметным. О, до чего же было чудесно стоять рядом с товарищами и смотреть на смертельную ловушку, из которой нам неожиданно посчастливилось выбраться! Батареи продолжали вырабатывать электричество, и со стороны камера представлялась фантастическим объектом, всеми четырьмя сторонами излучающим яркий, привлекающий тучи рыбешек свет. Потом предводитель взял профессора Маракота за руку и, тяжело ступая по липкой поверхности, повел его через водную трясиину. Стараясь не отставать ни на шаг, мы с Биллом Сканлэном пошли следом.

Вскоре произошло удивительное событие, поразившее наших новых знакомых ничуть не меньше, чем нас самих. Над головами внезапно появился небольшой темный объект. Покачиваясь и кружась, он медленно спустился из тьмы и в конце концов достиг дна неподалеку от того места, где все мы остановились, застыв от неожиданности. При ближайшем рассмотрении объект оказался не чем иным, как глубоководным лотом, опущенным с борта парохода «Стратфорд», чтобы изучить водную воронку, куда мы безвозвратно провалились. Раньше мы уже наблюдали начало его путешествия, однако, судя по всему, трагедия исчезновения спускаемого аппарата приостановила операцию. Теперь же изучение продолжилось без малейшего подозрения на то существенное обстоятельство, что закончится оно почти у наших ног. Очевидно, на корабле не поняли, что уже достигли дна, поскольку лот остался неподвижно лежать в иле. Прямо над моей головой туго натянулся тонкий трос, сквозь пять миль воды связавший меня с палубой парохода. Ах, если бы можно было нацарапать весточку и прицепить к неожиданному посланнику! Идея, конечно, абсурдная, и все же неужели невозможно отправить наверх сообщение о том, что все мы по-прежнему живы? Куртка была покрыта прозрачной оболочкой, из-за чего карманы оказались недостижимыми, однако ниже пояса меня ничто не сковывало, а носовой платок привычно лежал в кармане брюк. Я вытащил его и крепко привязал к тросу над лотом. Ощувив воздействие извне, автоматический механизм сразу отделил груз, и белый клочок полотна улетел в земной мир, который мне самому, должно быть, больше не суждено увидеть. Новые знакомые с глубоким интересом изучили металлический лот весом в семьдесят пять фунтов и забрали с собой туда, куда все мы шли.

Извилистый путь лежал между многочисленных холмов, однако уже через пару сотен ярдов мы остановились перед маленькой квадратной дверью с массивными колоннами по обе стороны и непонятной надписью на перемычке. Дверь оказалась открытой, и мы вошли в большую пустую комнату, а за спиной тут же опустилась управляемая изнутри герметичная перегородка. В своих прозрачных шлемах мы, конечно, ничего не слышали, однако, постояв

несколько минут, поняли, что где-то рядом работает мощный насос: уровень воды вокруг стремительно понижался. Уже через четверть часа под ногами оказался потертый пол из каменных плит, а новые знакомые деловито принялись расстегивать эластичные крепления и снимать с нас защитные костюмы. Спустя пару мгновений мы уже свободно дышали в теплом, хорошо освещенном помещении, а жители бездны дружелюбно собрались вокруг и, улыбаясь, принялись по-товарищески похлопывать нас по плечам. Говорили они на странном гортанном языке, из которого мы не понимали ни единого слова, однако улыбки на лицах и сияние благожелательности в глазах не требуют перевода даже в океанской пучине. Прозрачные скафандры заняли свое место на ввинченных в стену пронумерованных крючках, а любезные хозяева то ли повели, то ли потащили нас во внутреннюю комнату, откуда начинался длинный коридор с заметным, довольно значительным уклоном. Когда позади закрылась дверь, уже ничто не напоминало о том невероятном факте, что мы попали на дно Атлантического океана, чудесным способом выжили, но при этом превратились в навсегда отрезанных от привычного земного мира невольных гостей неведомого подводного народа.

Только сейчас, освободившись от кошмарного напряжения, мы ощутили, что окончательно измучились морально и ослабли физически. Даже считавший себя новым Гераклом Билл Сканлэн с трудом волочил ноги, а мы с профессором без сил повисли на плечах добрых спасителей. И все же, несмотря на усталость, по пути я не пропустил ни единой подробности. Не составило особого труда понять, что воздух здесь постоянно вырабатывался и нагнетался какой-то машиной, а затем толчками подавался через небольшие круглые отверстия в стенах. Рассеянный свет, несомненно, исходил из флуоресцентной системы, не так давно привлекавшей внимание европейских инженеров взамен лампы накаливания. Светильники представляли собой укрепленные под потолком продолговатые цилиндры из прозрачного стекла. Я успел заметить это, прежде чем коридор привел нас в просторную гостиную с покрытым толстыми коврами полом, золочеными креслами и широкими оттоманками, вид которых напомнил предметы обстановки египетской гробницы. Люди разошлись по своим делам, а рядом с нами остались трое опекунов: бородатый предводитель местного народа и двое его помощников.

– Мэнд, – несколько раз подряд назвал себя вождь и для верности ткнул пальцем в грудь. Потом показал на каждого из нас и старательно повторил наши имена – Маракот, Хедли, Сканлэн, – стараясь как можно точнее произносить чуждые звуки. Знаком пригласил нас сесть и что-то коротко сказал одному из помощников. Тот удалился, а вскоре вернулся в обществе дряхлого седовласого джентльмена с длинной белой бородой и в причудливой черной острокопечной шляпе. Необходимо заметить, что все подводные жители были одеты в яркие цветные туники до колен, а обуты в высокие сапоги то ли из рыбьей, то ли из шагреновой кожи. Почтенный старец оказался не кем иным, как местным доктором, а потому немедленно занялся медицинским осмотром. Осмотр проходил следующим образом: уважаемый лекарь прикладывал к нашим лбам ладонь и, закрыв глаза, мысленно наблюдал состояние здоровья. Судя по всему, результаты показались ему неудовлетворительными, ибо старец недовольно покачал головой и обратился к Мэнду с короткой, но, несомненно, тревожной речью. Вождь немедленно отдал служителю очередной приказ. Тот снова поспешно вышел, а вскоре вернулся, неся поднос с яствами и флягой вина, который поставил перед нами. Мы слишком устали, чтобы задумываться над тем, что именно едим, однако после трапезы почувствовали себя значительно бодрее. Затем нас проводили в другую комнату, где стояли три вполне удобные кровати. На одну из них я тут же лег, точнее говоря, упал. Смутно припоминаю, как Билл Сканлэн подошел и сел рядом.

– Прими мою благодарность, приятель: той каплей виски ты спас мне жизнь. Но, может быть, растолкуешь, куда же, черт возьми, мы попали?

– Прости, не смогу. Я знаю ничуть не больше твоего.

– Что же, в любом случае я готов хорошенько выспаться. Кстати, вино у этих славных ребят преотличное! Слава богу, Волыштеду¹ сюда не добраться.

Потом Билл говорил что-то еще, но я уже ничего не услышал, так как погрузился в самый глубокий в своей жизни сон.

¹ Эндрю Джон Волыштед (1860–1947) – американский конгрессмен, автор сухого закона. – *Примеч. пер.*

Глава III

Проснувшись, я не сразу понял, где нахожусь. События предыдущего дня представлялись смутным ночным кошмаром: трудно было поверить, что все пережитое – не вымышленные картины воспаленного воображения, а реальные факты моей собственной биографии. Я недоуменно оглядел большую, почти пустую комнату с покрашенными в тусклый серо-коричневый цвет стенами, с линией мерцающего сиреневого света под потолком и кое-какой необходимой мебелью. Особое внимание привлекли две кровати: из одной явственно доносился высокий скрипучий храп, уже знакомый мне по пароходу “Стратфорд”. Так творчески умел храпеть только профессор Маракот. Обстоятельство это показалось невероятным, и только потрогав одеяло и обнаружив, что оно связано из странного, напоминающего высушенные волокна какого-то подводного растения материала, я вспомнил, какое фантастическое приключение выпало на нашу долю. Пока я обдумывал новую реальность, внезапно раздался громкий смех, и на третьей кровати возник Билл Сканлэн.

– Доброе утро, Хедли! – жизнерадостно воскликнул он, заметив, что я проснулся.

– Похоже, приятель, ты даже сегодня пребываешь в отличном расположении духа, – раздраженно отозвался я. – Честно говоря, не вижу в нашем положении ничего веселого.

– Глаза я открыл в таком же скверном настроении, как и ты, – бодро ответил Билл. – А потом мне в голову пришла одна забавная идейка, да такая, что никак не мог удержаться от смеха.

– Да? И какая же?

– Я подумал, как было бы замечательно, если бы вчера мы втроем обвязались тросом от лота. Скорее всего, прозрачные балахоны позволили бы свободно дышать по пути к поверхности. А дальше представь занятную картину: старик Хоуи смотрит за борт и вдруг видит, как из воды появляются те, кого он уже оплакал – причем живехоньки-здоровехоньки! Наверняка подумал бы, что поймал нас на крючок. Как тебе такое?

Наш дружный хохот разбудил профессора. Маракот сел в постели и осмотрелся с таким же ошеломленным выражением на лице, с каким только что я сам оглядывал комнату. Мы с Биллом увлеченно слушали несвязные восклицания наставника, выразившие то бурную радость по поводу открывшегося бескрайнего поля для научной деятельности, то глубокое сожаление о том, что не удастся поделиться открытиями с коллегами-учеными на земле, а главное – поставить на место все того же самоуверенного профессора Бюлова из Гессенского университета. Спустя некоторое время, окончательно придя в себя, профессор Маракот обратился к насущным темам.

– Сейчас девять часов, – деловито констатировал он, взглянув на свои часы. Мы оба подтвердили, что так оно и есть, однако не смогли определенно установить, девять вечера или девять утра.

– Необходимо завести собственный календарь и строго следить за течением времени, – заявил Маракот. – Мы погрузились на дно третьего октября и вечером того же дня оказались здесь. Главный вопрос заключается в том, как долго мы спали.

– Бог свидетель, может быть, не меньше месяца, – предположил Сканлэн. – Честно признаюсь, что не отключался так капитально с тех самых пор, как на заводе “Меррибэнкс” в шестом раунде боксерского поединка один бузотер по имени Микки Скотт отправил меня в нокаут.

Поскольку в комнате присутствовали все современные удобства, мы привели себя в порядок и оделись. Решили было выйти к людям, но с огорчением выяснили, что дверь заперта: судя по всему, нас держали здесь не столько в качестве гостей, сколько в качестве пленников. Несмотря на отсутствие видимой вентиляции, воздух в комнате не застаивался, отличаясь

исключительной свежестью. Очевидно, он поступал из маленьких отверстий в стенах. Наверное, присутствовало и своего рода центральное отопление: хотя ничего похожего на печку заметно не было, температура держалась на умеренно теплом уровне. Вскоре я заметил на одной из стен кнопку и осмелился нажать ее, предположив, что это звонок. Оказалось, что так оно и есть: дверь тут же открылась, появился невысокий смуглый человек в желтом одеянии и вопросительно взглянул на нас добрыми карими глазами.

– Мы проголодались, – сообщил Маракот. – Нельзя ли принести еду?

Показывая, что ничего не понял, человек с улыбкой покачал головой.

Сканлэн попробовал объясниться на американском сленге, однако тоже потерпел неудачу. Тогда я решил прибегнуть к языку мимики и жестов: широко открыл рот и засунул за щеку палец. Человек тут же согласно закивал и поспешил прочь.

Не прошло и десяти минут, как дверь снова распахнулась, и двое одетых в желтую униформу служителей вкатили в комнату небольшой стол на колесиках. Даже отель “Билтмор” не смог бы предложить гостям более достойного обслуживания! Нам подали кофе, горячее молоко, свежие аппетитные булочки, вкуснейшую плоскую рыбу в запеченном виде и даже мед. На протяжении получаса мы были слишком заняты завтраком, чтобы обсуждать, что именно едим и откуда на океанском дне взялись такие продукты, а затем снова появились двое слуг, без единого слова укатили опустевший стол и старательно закрыли за собой дверь.

– Я уже весь покрылся синяками: постоянно щиплю себя, чтобы убедиться, что все эти чудеса происходят наяву, а не во сне, – пожаловался Сканлэн. – Может быть, мы дружно чего-то накурились и поймали коллективную галлюцинацию? Послушайте, профессор, вы нас сюда доставили, так что теперь разбирайтесь и объясняйте, что к чему.

Профессор Маракот покачал головой.

– Для меня это тоже сон, но, право, до чего же великолепный! Только представьте, какую удивительную историю мы поведали бы изумленному миру, если бы смогли вернуться на землю!

– Одно обстоятельство точно не подлежит сомнению, – заметил я. – Совершенно ясно, что легенда о затонувшей Атлантиде – чистая правда. Но особенно интересно, что какая-то часть обитателей древнего континента сумела чудесным образом выжить и продолжить свой род.

– Даже если они выжили, – воскликнул Билл Сканлэн, озадаченно почесав макушку, – никак не возьму в толк, откуда взялись в их доме воздух, пресная вода и все прочее, что для жизни нужно. Может быть, вчерашний чужак с длинной бородой и в черной шляпе придет, чтобы снова на нас взглянуть, а заодно что-нибудь объяснит?

– Как, по-твоему, он сможет что-нибудь растолковать, если мы с ним говорим на разных языках и совсем друг друга не понимаем?

– Придется положиться на собственные наблюдения, – заключил профессор Маракот, прерывая наш спор. – Одно мне ясно уже сейчас: я понял это, попробовав мед. Продукт синтетический; точно такой же, какой мы уже научились делать на земле. Но если мед синтетический, то почему не могут оказаться синтетическими кофе и мука? Молекулы всех элементов подобны кирпичам, и эти кирпичи хранятся повсюду вокруг нас. Достаточно научиться располагать составные части в определенном порядке, чтобы получить новое вещество. Порой бывает достаточно изменения одного ингредиента. Например, в результате определенного перемещения кирпичей сахар превращается в крахмал или в алкоголь. Что же способствует перемещению? Высокая температура. Электричество. Наверняка имеют место и другие факторы, о которых мы пока ничего не знаем. Часть кирпичей способна перемещаться самопроизвольно, и тогда без вмешательства человека радий превращается в свинец или уран становится радием.

– Значит, вы считаете, что эти люди продвинулись в химии значительно дальше землян?

– Уверен в этом! В конце концов, здесь, на дне океана, в изобилии присутствуют все необходимые составные элементы. Из морской воды появляются водород и кислород. Азот и углерод в достатке содержатся в массе подводной растительности, а фосфор и кальций постоянно накапливаются в донных отложениях. Следовательно, при умелом руководстве и глубоких знаниях предмета не составит особого труда произвести любой необходимый продукт. Разве не так?

Профессор с энтузиазмом углубился в теоретическую химию, но вскоре дверь снова открылась. Вошел Мэнд и дружески поздоровался с нами. Вместе с ним появился тот пожилой джентльмен благородной внешности, которого мы уже видели накануне. Должно быть, он обладал особой ученостью, а потому попробовал объясниться на различных языках, для чего произнес несколько совсем не сходных по звучанию предложений. К сожалению, мы не поняли ни одного из них. Седобородый доктор разочарованно пожал плечами и что-то коротко сказал Мэнду, а вождь немедленно отдал распоряжение двум ожидавшим возле двери слугам в желтых одеждах. Они исчезли, но вскоре вернулись со странным экраном на двух стойках, очень похожим на наши кинематографические экраны, однако покрытым каким-то блестящим, мерцающим на свету веществом. Непонятное, но внешне привлекательное приспособление поставили у одной из стен. Ученый джентльмен тщательно отмерил шагами одному ему известное расстояние и крестом отметил на полу нужное место. Стоя в этой точке, он повернулся к профессору Маракоту, коснулся ладонью лба и показал на экран.

– Что за бестолковщина, – раздраженно пробормотал Билл Сканлэн. – Должно быть, у старикана не все дома.

Выражая недоумение, Маракот покачал головой. Но вскоре на нашего мудреца снизошло понимание: он ткнул себя пальцем в грудь, после чего повернулся к экрану, сосредоточил на нем взгляд и, судя по всему, максимально сконцентрировал внимание. Спустя мгновение перед нами появилось отражение его фигуры. Затем он показал на нас, приглашая подойти, и теперь на экране появились три образа. Вот только они не очень точно отражали нашу внешность. Сканлэн выглядел подобно маскарадному китайцу, Маракот напоминал полуразложившийся труп. И все же это определенно были мы – такие, какими нас видел длиннородый оператор неведомого устройства.

– Это же отражение его мыслей! – воскликнул я.

– Верно, – согласился профессор. – Изобретение, несомненно, выдающееся: комбинация телепатии и телевидения, о которой мы, земные ученые, только начинаем задумываться.

– Вот уж никогда не ожидал увидеть себя в кино, если этот китаец с похожей на сырную головку физиономией действительно изображает меня, – сокрушенно посетовал Сканлэн. – Представить только: если бы удалось сообщить об удивительном приспособлении редактору “Леджера”, то он отсыпал бы столько денег, что хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Да, мы бы отлично заработали. Жаль только, что существует одна небольшая проблема: что-нибудь куда-нибудь сообщить абсолютно невозможно.

– В том-то и дело, – поддержал я. – Видит бог, если бы мы вернулись на землю, то сразу стали бы героями и знаменитостями. Но к чему же клонит ученый старик? Кажется, профессор, он хочет, чтобы вы продемонстрировали свои мысли.

Маракот занял указанное место, и его сильный, четкий ум немедленно в точности отразился на экране. Сначала мы увидели Мэнда, а потом возникло изображение парохода “Стратфорд” в том безупречном состоянии, в каком мы оставили борт.

При виде судна Мэнд и пожилой ученый одобрительно кивнули, а затем вождь указал сначала на нас, а потом на аппарат, видимо, желая увидеть подробную картину непонятого путешествия.

– Нас просят обо всем рассказать! Вот в чем заключается его замысел! – воскликнул я. – Местные жители хотят узнать, кто мы такие и как сюда попали.

Маракот кивнул в знак того, что понял просьбу, и принялся демонстрировать наше приключение, причем самым детальным образом, перебирая картину за картиной. Наконец Мэнд остановил мысленное повествование взмахом руки, приказал слугам унести экран и жестом пригласил нас следовать за ним и ученым доктором.

Подводное здание оказалось поистине огромным! Один нисходящий коридор сменялся другим, еще более глубоким, и так до тех пор, пока наконец мы пришли в большой зал. Скамьи здесь были расположены амфитеатром, как в лекционной аудитории. С одной стороны помещался широкий экран того же типа, что и первый, уже нам знакомый. Напротив него размещалось не меньше тысячи зрителей, и все они приветствовали нас дружелюбным гудением. Мужчины выглядели смуглыми, причем почти все они носили бороды; молодые женщины отличались редкой красотой, а достигшие солидного возраста дамы казались весьма почтенными особами. Однако рассмотреть людей подробно нам не удалось, так как сначала нас усадили в первом ряду, а потом пригласили профессора Маракота встать перед экраном, приглушили свет и знаком попросили его начать рассказ.

Надо заметить, что профессор блестяще справился с нелегкой задачей. Сначала перед зрителями появился выходящий из устья Темзы пароход “Стратфорд”; при виде большого современного города многочисленная аудитория восторженно ахнула. Затем на экране возникла подробная карта с обозначением нашего пути. И вот пришло время показать встреченный приветственными возгласами стальной спускаемый аппарат. Надо отметить, что люди сразу его узнали. Мы увидели собственное погружение и остановку на краю пропасти. Появилось то самое чудовище, которое напало на нас и разорвало трос, чем обрекло на верную смерть.

– Маракс! Маракс! – закричали зрители при первом же взгляде на огромное членистое существо. Не возникло ни малейших сомнений: здесь, в подводном мире, все его знали и боялись. Когда зверь занялся нашим тросом, в зале раздался испуганный вздох, сменившийся стоном ужаса: это Маракот показал местным жителям, как трос порвался, а мы свалились в пропасть. Целый месяц устных рассказов не позволил бы нам так ясно объяснить свою историю, как профессор Маракот сделал это за полчаса наглядной мысленной демонстрации.

Когда сеанс телепатии закончился, обитатели океанского дна окружили нас, бурно выражая сочувствие, а в знак дружбы и гостеприимства щедро похлопывая по плечам и спинам. Затем нас по очереди представили нескольким предводителям более низкого, чем Мэнд, ранга. Судя по всему, на важные посты в этом обществе выдвигали мудрых, пользующихся всеобщим уважением людей, поскольку все присутствующие относились к одному социальному слою и одевались в едином стиле. На мужчинах мы увидели подпоясанные туники шафранного цвета длиной по колено и высокие сапоги из прочного чешуйчатого материала – очевидно, из кожи какого-то подводного животного. Наряд женщин состоял из легких свободных платьев классического покроя, отличавшихся разнообразными оттенками розового, синего, зеленого цветов. Платья были украшены затейливыми узорами из жемчуга и накладками из переливающихся опаловых раковин. Многие дамы поражали поистине неземной прелестью. Среди них выделялась одна молодая леди... но к чему вносить в предназначенное всеобщему вниманию повествование личную ноту? Скажу только, что Мона – единственная дочь вождя подводного народа Мэнда и что с первого же дня знакомства... нет, с первого же взгляда я прочитал в темных глазах симпатию и понимание, проникшие в мое сердце точно так же, как моя благодарность и восхищение проникли в ее сердце. Пока больше ничего не скажу об этой благородной молодой особе. Достаточно признаться, что в жизнь мою вошло новое, не испытанное прежде глубокое чувство. Увидев, как профессор Маракот с редким для него воодушевлением общается на языке жестов с очаровательной особой средних лет, а Билл Сканлэн с помощью пантомимы признается в симпатии группе окруживших его смеющихся девушек, я сразу понял, что спутники мои тоже успели обнаружить светлую сторону нашего общего трагического положения.

Пусть мы и погибли для земного мира, но, по крайней мере, обрели новую жизнь, обещавшую в некоторой степени компенсировать утрату.

В тот же день Мэнд и другие друзья показали нам некоторые помещения обширного здания. По прошествии множества веков подводного существования оно успело настолько глубоко уйти в океанское дно, что попасть внутрь можно было только через крышу. От входа длинные коридоры вели все ниже и ниже, пока не достигали отрицательного уровня в несколько сотен футов относительно первого, входного зала. В полу были выкопаны наклонные ходы, ведущие в недра земли. Нам показали вырабатывающий воздух аппарат с насосами, распределяющими по всему зданию необходимый для дыхания субстрат. Профессор Маракот с изумлением и восхищением обратил внимание на тот важный факт, что машина не просто смешивала кислород с азотом, но и добавляла в состав воздуха небольшое количество таких газов, как аргон, неон и другие малоизвестные составляющие атмосферы, которые на земле мы только начинаем постигать. Дистилляционные баки для производства пресной воды также вызвали огромный интерес, равно как и мощные электрические установки. Жаль только, что значительная часть оборудования отличалась такой сложностью, что понять тонкости его действия было затруднительно. Однако должен с гордостью отметить, что собственными глазами увидел и даже попробовал на вкус муку, чай, кофе и вино, жидкие и газообразные химические ингредиенты для которых поступали в различные машины, обрабатывались высокой температурой, высоким давлением, электричеством и в результате сложного технологического процесса превращались в полноценные продукты питания. В результате подробного знакомства с доступными нашему вниманию помещениями у нас возникло твердое убеждение, что ужасное погружение в морскую пучину древние люди предвидели заранее, задолго до того, как их земля ушла под воду, и не поленились продумать, а затем создать надежную защиту против затопления. Конечно, нетрудно представить, что в разгар катастрофического события любые меры противодействия были бы невозможны, но сейчас мы со всей очевидностью поняли, что все это огромное великолепное здание с самого начала возводилось, чтобы служить прочным “Ноевым ковчегом” для спасения определенного числа избранных представителей населения Атлантиды. Реторты, баки, трубы для производства воздуха, воды и пищи были заранее встроены в стены и являлись составной частью гениального технического замысла. То же самое относится к входным зонам со стеклянными куполами и контролирующими уровень воды мощными насосами. Каждая из этих идей была создана и воплощена предвидением и мастерством далекого талантливой народа, сумевшего, насколько стало известно впоследствии, протянуть одну руку к Центральной Америке, а вторую к Египту и, несмотря на то что страна его ушла под воду, оставившего след даже на нашей земле! Что же касается потомков, которых мы застали, то они, очевидно, в определенной степени деградировали, что вполне естественно, а в лучшем случае застыли на прежнем уровне сознания, лишь сохраняя достижения предков, однако не обладая творческой энергией для развития и преумножения гениальных идей. Обитатели подводного мира располагали поразительными возможностями, но при этом, как нам показалось, странным образом отличались недостатком инициативы, а потому не находили сил для плодотворного усовершенствования полученного от предков драгоценного наследия. Я уверен, что если бы профессор Маракот смог разделить с ними глубокие знания, то очень скоро достиг бы убедительных успехов. Что же касается Билла Скэнлэна с его острым умом и непревзойденным мастерством механика, то он постоянно удивлял подводных жителей ничуть не меньше, чем изобретения их предков удивляли нас. Перед погружением Билл не забыл положить в карман куртки любимую губную гармонику, с которой нигде и никогда не расставался, и теперь своей искусной игрой доставлял огромную радость нашим добрым хозяевам. Они слушали с глубоким вниманием, словно Билл исполнял произведения Моцарта, в то время как он играл всего лишь незамысловатые народные мелодии родного края.

Как я уже заметил, хозяева показали нам далеко не все здание, и сейчас хочу остановиться на этой теме немного подробнее. Я обратил внимание на один изрядно затертый множеством ног коридор, по которому постоянно ходили люди. Однако во время экскурсий наши провожатые упорно избегали этого направления. Вполне естественно, что от подобной избирательной тактики любознательность наша особенно разыгралась. Однажды вечером мы решили отправиться на экскурсию без любезных хозяев, чтобы все-таки выяснить, почему этот коридор столь старательно от нас скрывали. Выгадав время, когда вокруг никого не было, мы выскользнули из своей комнаты и осторожно, едва ли не на цыпочках, пробрались в таинственный отсек.

Коридор привел нас к высокой двери в виде арки, на вид сделанной из чистого золота. Осмелившись ее открыть и переступить порог, мы оказались в обширной комнате площадью не меньше двухсот квадратных футов. Стены были снизу доверху выкрашены в яркие тона; отовсюду на нас смотрели необыкновенные изображения гротескных существ в огромных головных уборах, напоминавших праздничные регалии наших американских индейцев. В конце огромного зала возвышалась массивная фигура, сидящая со скрещенными, как у Будды, ногами, однако без тени свойственной Будде безмятежной доброты. Напротив, лицо статуи воплощало неукротимый гнев: открытый в крике рот, горящие яростным огнем красные глаза, еще более страшные от внутренней подсветки электрическими лампочками. Грозное существо держало на коленях большую печь. Подойдя ближе, мы заметили в топке свежий пепел.

– Молох! – сразу определил профессор Маракот. – Молох или Баал, древний бог финикийского народа.

– Господи помилуй! – в страхе воскликнул я, живо вспомнив кровавые обычаи Карфагена. – Только не говорите, что эти милые люди способны приносить своему божееству человеческие жертвы.

– Похоже на то, – с тревогой заметил Сканлэн. – Надеюсь, впрочем, что дьявольский ритуал касается только соотечественников. Не хотелось бы, чтобы суровые жрецы использовали нас в качестве агнцев для заклания.

– Думаю, атланты хорошо запомнили свой урок, – успокоил я. – Несчастье учит людей сочувствию и жалости к другим.

– Совершенно верно, – согласился профессор, внимательно разглядывая пепел. – Бог этот, конечно, очень древний и злой, но сейчас культ стал значительно мягче. Теперь в печах жгут буханки хлеба и тому подобное, но было время...

Договорить он не успел: наши размышления прервал грозный окрик. Обернувшись, мы обнаружили рядом нескольких мужчин в ярко-желтых одеяниях и высоких шляпах – несомненно, служителей храма. Выражение лиц священников подсказало, что мы можем стать последними жертвами Баала, а один из них даже вытащил из-за пояса нож. Яростно размахивая руками, хозяева святилища грубо, с громкими враждебными криками принялись выдвигать нас прочь.

– Черт возьми! – возмутился Билл Сканлэн. – Если эти парни не прекратят распускать руки, то нарвутся на хорошую взбучку! Ну-ка, приятель, отцепись от моей куртки!

На миг я испугался, что прямо здесь, в священном месте, состоится то, что Сканлэн обычно скромно называет “потасовкой”. К счастью, нам удалось сдержать пыл механика и благополучно скрыться в своей комнате, однако поведение Мэнда и других наших новых друзей показало, что происшествие получило известность и вызвало всеобщее осуждение.

Однако в подводном мире существовало еще одно святилище, которое не только свободно открылось нашим взорам, но и представило пусть медленный, несовершенный, но все же действенный способ общения с местными жителями. Это была просторная комната в нижней части ковчега, единственным украшением которой служила вырезанная из слоновой кости, пожелтевшая от времени статуя, изображающая женщину с копьем в руке и совой на плече. Помещение охранял древний старец. Несмотря на следы возраста на лице и в фигуре, сразу

стало понятно, что почтенный жрец принадлежит к иному народу – более красивому, рослому, утонченному и благородному, чем драчливые ревнители первого храма.

В то время как мы с профессором Маракотом с уважением рассматривали статую и пытались вспомнить, почему образ кажется знакомым, старец обратился к нам с единственным коротким словом.

– Теа (богиня), – произнес он, указывая на изваяние.

– О боже! – изумленно воскликнул я. – Этот человек говорит по-гречески!

– Теа! Афина! – повторил старец.

Сомнений не осталось. *Богиня Афина*: слова прозвучали абсолютно внятно, так что ошибиться было невозможно. Профессор, чей невероятный ум вмещал частицу каждой отрасли человеческого знания, сразу начал задавать вопросы на классическом греческом языке. Однако священник понял далеко не все, а ответил на почти непостижимом архаичном диалекте. И все же кое-что Маракот узнал, а главное, нашел посредника, с чьей помощью мы могли хотя бы отрывочно и приблизительно общаться с местными жителями.

– Друзья мои! Нам посчастливилось получить неопровержимое доказательство справедливости самой знаменитой легенды человечества, – высоким зычным голосом, как будто обращаясь к многочисленной аудитории, провозгласил профессор тем же вечером. – Любая легенда всегда основана на реальных фактах, даже если толща веков успела их исказить. Вам известно... а может быть, и неизвестно (“Второе вернее”, – пробормотал Сканлэн), что во время катастрофы на великом острове атланты воевали с древними греками. Исторический факт изложен Солоном в описании бесед со жрецами из египетского города Саиса. Справедливо предположить, что среди захваченных атлантами пленников были греческие священники, сохранившие свою религию. Насколько я понимаю, этот человек – потомственный служитель древнего культа. Не исключено, что с его помощью нам удастся узнать что-нибудь новое и о древнегреческом народе.

– Надо отдать должное здравому смыслу греков, – вставил Сканлэн. – Уж если приспичило поклоняться идолу, то лучше возвести на пьедестал красотку, чем образину с красными глазами и жертвенной печкой на коленях.

– К счастью, из-за разности языков эти люди не в состоянии понять твои взгляды, – заметил я. – А если бы поняли, ты наверняка закончил бы свои дни христианским мучеником.

– Пока я играю им на гармонике, ничего подобного не произойдет, – самодовольно ухмыльнулся уверенный в собственном успехе Билл. – Кажется, они уже так привыкли к этому, что не смогут обойтись без меня и моих песенок.

Подводные жители оказались добрыми, жизнерадостными людьми; жить с ними легко и приятно, но случаются минуты грусти, когда сердце неудержимо рвется домой, в утраченные родные края, а перед глазами возникают то милые квадратные дворики седого Оксфорда, то рослые вяза и знакомый кампус Гарварда. В первые дни подводного обитания утраченные места казались мне такими же далекими и недостижимыми, как лунный пейзаж, и только сейчас каким-то странным образом в душе проросла надежда когда-нибудь увидеть их снова.

Глава IV

Спустя несколько дней после нашего невольного появления в подводной стране любезные хозяева (или гуманные тюремщики: порой мы сомневались, как их называть) повели нас на прогулку по океанскому дну. Сопровождающих насчитывалось шестеро, включая вождя Мэнда. Мы собрались в том самом входном зале, куда впервые попали в день спасения, и теперь уже почувствовали себя в состоянии рассмотреть окружающее пространство более внимательно, чем прежде. Зал оказался очень большим – не меньше сотни футов в длину и ширину, – с низкими, поросшими водорослями, мокрыми стенами и тяжелым, давящим потолком. По периметру комнаты располагался длинный ряд помеченных какими-то странными значками крючков. Предполагаю, что значки подразумевали нумерацию. На каждом из крючков висел уже известный нам прозрачный балахон и пара обеспечивающих дыхание наплечных батарей. Древний пол из массивных каменных плит был истерт ногами множества поколений, а в углублениях, словно в лужицах, застыла никогда не просыхающая вода. Люминесцентные трубки под потолком обеспечивали яркий, хотя и рассеянный свет. Всех нас снова одели в прозрачные костюмы и снабдили прочными заостренными посохами из какого-то легкого металла. Затем прозвучал сигнал, и Мэнд приказал крепко схватиться за огибавший всю комнату поручень. Сам он и остальные сопровождающие немедленно поступили точно так же. Цель действия скоро стала очевидна: как только входная дверь медленно поднялась, океанская вода хлынула внутрь с такой непреодолимой силой, что если бы не поручень, наверняка сбила бы нас с ног. Впрочем, вода быстро достигла высокого уровня, и давление ослабло. Мэнд первым направился к двери, а спустя мгновение мы снова оказались на океанском дне, причем дверь осталась открытой, чтобы при необходимости можно было в любой момент вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.